

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Избранное

СТИХИ • ПЕСНИ • ПОЭМЫ

Александр Моисеевич Городницкий
Избранное. Стихи,
песни, поэмы
Серия «Великие русские барды»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66490698

Избранное. Стихи, песни, поэмы: Яюза-каталог; Москва; 2021

ISBN 978-5-00155-292-5

Аннотация

«Атланты», «У Геркулесовых столбов», «Над Канадой небо сине», «На материк», «Жена французского посла», «Перекаты», «Снег», «Кожаные куртки» («Песня полярных летчиков») – эти песни Александра Городницкого, написанные в дальних океанских плаваниях и в экспедициях на Крайнем Севере, давно стали народными. А сам поэт по праву признан живым классиком, чьё имя стоит в одном ряду с Владимиром Высоцким, Булатом Окуджавой, Юрием Визбором.

Песня Александра Городницкого «Атланты держат небо...» является официальным гимном Государственного Эрмитажа и неофициальным гимном Санкт-Петербурга. Творчеству знаменитого поэта и барда посвящены многочисленные научные статьи и диссертации.

Александр Городницкий – заслуженный деятель искусств Российской Федерации, заслуженный деятель науки РФ, первый лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы, первый лауреат литературной премии Евгения Евтушенко «Больше, чем поэт». Его именем названы малая планета (астероид) № 5988 Gorodnitskij и перевал в Саянских горах.

В эту книгу вошло более 500 избранных произведений Александра Городницкого, самые новые из которых датированы 2021 годом.

Содержание

Стихи и песни	15
Снег	15
Песня полярных лётчиков	18
Деревянные города	19
За белым металлом	21
Перекаты	23
На материк	25
Ах, не ревнуй меня	27
Английский канал	29
Вперёдсмотрящий	30
Пиратская	31
Чистые пруды	33
Брусника	34
Атланты	35
Паруса «Крузенштерна»	37
Не женитесь, поэты	39
Как грустна осенняя вода	41
Над Канадой	43
Перелётные ангелы	45
Петровские войны	46
Испанская граница	47
Геркулесовы столбы	48
Моряк, покрепче вяжи узлы	49

Народовольцы	51
Освенцим	52
Треблинка	53
Песня подводников	55
Монолог маршала	57
Владимиру Высоцкому в роли Галилея	59
1. Галилей	59
2. Антигалилей	60
Элегия	62
Друзья и враги	64
Любовница блока	66
Поэты	68
Новелле Матвеевой	69
Переделкино	71
Остров Гваделупа	73
Ночная вахта	75
Атлантида	77
Новодевичий монастырь	79
Донской монастырь	81
Жена французского посла	83
Воздухоплавательный парк	85
Романс Чарноты	87
Дуэль	89
Аэропорты девятнадцатого века	91
Соловки	93
Российский бунт	95

Песня строителей петровского флота	96
Почему расстались	98
Вспоминая Фейхтвангера	101
Пролив Сангар	103
Арбатские старушки	105
Годовщина прорыва блокады	107
«Шалея от отчаянного страха...»	108
Царское Село	109
Памятник в Пятигорске	111
День Победы	113
Кратер Узон	114
Дворы-колодцы	115
Остров Маккуори	117
Острова в океане	120
Петербург	122
Предательство	124
Меж Москвой и Ленинградом	127
След в океане	129
Понта-Дельгада	131
Пётр Третий	133
Родина	135
Батюшков	137
Два Гоголя	138
Пасынки России	139
Матюшкин	141
Старый Пушкин	143

Могила декабристов	145
Кюхельбекер	146
Веневитинов	148
Ах, зачем вы убили Александра Второго	149
Ахматова	151
Города	152
Художник Куянцев	153
«Стою, куда глаза не зная деть...»	155
Самозванец	156
Ностальгия	158
Гвардейский вальсок	159
Памяти Владимира Высоцкого	161
1	161
2	162
Песни к спектаклю по повести Юрия	164
Давыдова «На скаковом поле, около бойни...»	
1. Если иначе нельзя (Первая песня	164
Дмитрия Лизогуба)	
2. Губернаторская власть (Третья песня	165
Дмитрия Лизогуба)	
Пушкин и декабристы	167
Дорога	170
Ленинградская	172
Шотландская песенка	174
Рембрандт	177
В батискафе	179

Около площади	181
Питер Брейгель Младший. «Шествие на Голгофу»	183
Николай Гумилёв	185
Иван Пущин и Матвей Муравьёв	187
Девятнадцатый век	189
Иосиф Флавий	190
Дух времени	192
Мифы Древней Греции	194
Для чего тебе нужно	196
Родословная	198
Прощание с каютой	200
Средиземное море	202
На Маяковской площади в Москве	203
Улисс	205
«Причин потусторонних не ищите...»	207
Эгейское море	208
Индийский океан	210
Комарово	212
Двадцать девятое ноября	214
Душа	216
Памяти Юрия Визбора	217
Герой и автор	219
На даче	221
Блок	223
Комаровское кладбище	224

Тридцатые годы	227
Рим	229
Мыс Рока	231
Гробница Камозенса	232
«В старинном соборе играет орган...»	234
Памяти Владимира Маяковского	236
Ермаково	238
Пётр Третий	240
Дом Пушкина	242
Дворец Трезини	244
Юрий Левитан	246
Чаадаев	248
Старые песни	250
«Этот город, неровный, как пламя...»	252
Петровская галерея	253
Вальс тридцать девятого года	255
Баллада о спасённой тюрьме	257
Дорога	259
Поминальная польскому войску	261
Шинель	263
Избиение младенцев. Питер Брейгель	266
Старший	268
Плавание	269
Русская церковь	271
Камиль Коро	273
Цусима	273

Русская словесность	275
Колокол Ллойда	277
«Из всех поэтов Кушнера люблю...»	279
Памятник	281
Монолог Моисея	282
Пётр Первый судит сына Алексея. Картина Николая Ге	284
Падение Рима	286
«Покуда солнце длит свой бег...»	288
Последний летописец	290
Голодай	293
Спарта	295
«Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю...»	297
Петербург	298
Терпандр	300
Бахайский храм	302
Иерусалим	304
Не разбирай баррикады у Белого дома	306
Молитва Аввакума	308
В Михайловском	310
Меншиков	312
Ахилл	315
Горный институт	317
«Глаза закрываю и вижу...»	319
«Глаза закрываю и вижу...»	320

Остров Израиль	322
Фельдфебель Шимон Черкасский	324
Подполковник Трубятчинский	326
Провинция	328
«Имперский дух в себе я не осилю...»	329
Землетрясение	331
Переименование	333
Конец ознакомительного фрагмента.	334

Александр Городницкий

Избранное. Стихи, песни, поэмы

© Городницкий А. М., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

© ИП Петровский И. В., 2021

* * *

А. Горюхицкий

Стихи и песни

Снег

(песня)

Тихо по веткам шуршит снегопад,

Сучья трещат на огне.

В эти часы, когда все ещё спят,

Что вспоминается мне?

Неба далёкого просинь,

Давние письма домой...

В царстве чахоточных сосен

Быстро сменяется осень

Долгой полярной зимой.

Снег, снег, снег, снег,

Снег над палаткой кружится.

Вот и кончается наш краткий ночлег.

Снег, снег, снег, снег

Тихо на тундру ложится,

По берегам замерзающих рек

Снег, снег, снег.

Над Петроградской твоей стороной

Вьётся весёлый снежок,
Вспыхнет в ресницах звездой озорной,
Ляжет пушинкой у ног.
Тронул задумчивый иней
Кос твоих светлую прядь,
И над бульварами Линий
По-ленинградскому синий
Вечер спустился опять.

Снег, снег, снег, снег,
Снег за окошком кружится.
Он не коснётся твоих сомкнутых век.
Снег, снег, снег, снег...
Что тебе, милая, снится?
Над тишиной замерзающих рек
Снег, снег, снег.

Долго ли сердце твоё сберегу? –
Ветер поёт на пути.
Через туманы, мороз и пургу
Мне до тебя не дойти.
Вспомни же, если взгрустнётся,
Наших стоянок огни.
Вплавь и пешком – как придётся, –
Песня к тебе доберётся
Даже в нелётные дни.
Снег, снег, снег, снег,
Снег над тайгою кружится.
Вьюга заносит следы наших саней.

Снег, снег, снег, снег...

Пусть тебе нынче приснится

Залитый солнцем вокзальный перрон

Завтрашних дней.

1958, Ленинград

Песня полярных лётчиков

(песня)

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная выюга,
В маленькой гостинице пусто и темно.
Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрёт второй пилот,
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоёт.
Эту песню грустную позабыть пора нам, —
Наглухо моторы и сердца зачехлены.
Снова тянет с берега снегом и туманом,
Снова ночь нелётная даже для луны.
Лысые романтики, воздушные бродяги,
Наша жизнь — мальчишеские вечные года.
Прочь тоску гоните вы, выпитые фляги,
Ты, метеослужба, нам счастья нагадай!
Солнце незакатное и тёплый ветер с веста,
И штурвал послушный в стосковавшихся руках...
Ждите нас, не встреченные школьницы-невесты,
В маленьких асфальтовых южных городках!

Деревянные города

(песня)

Укрыта льдом зелёная вода,
Летят на юг, перекликаясь, птицы.
А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы.

Над крышами картофельный дымок,
Висят на окнах синие метели.
Здесь для меня дрова, нарубленные впрок,
Здесь для меня постелены постели.

Шумят кругом дремучие леса,
И стали мне докучливы и странны
Моих товарищей нездешних голоса,
Их городов асфальтовые страны.

В тех странах в октябре – ещё весна,
Плывёт цветов замысловатый запах,
Но мне ни разу не привидится во снах
Туманный запад, неверный дальний запад.

Никто меня не вспоминает там,
Моей вдове совсем другое снится...
А я иду по деревянным городам,

Где мостовые скрипят, как половицы.

1959

За белым металлом

(песня)

*Памяти геолога Станислава Погребницкого,
погибшего в 1960 г. на реке Северной*

В промозглой мгле – ледоход, ледолом.
По мёрзлой земле мы идём за теплом:
За белым металлом, за синим углём,
За синим углём да за длинным рублём.

И карт не мусолить, и ночи без сна.
По нашей буссоли приходит весна.
И каша без соли пуста и постна,
И наша совесть – чиста и честна.

Ровесник плывёт рыбакам в невода,
Ровесника гонит под камни вода.
А письма идут неизвестно куда,
А в доме, где ждут, неуместна беда.

И если тебе не пишу я с пути,
Не слишком, родная, об этом грусти:
На кой тебе чёрт получать от меня
Обманные вести вчерашнего дня?

В промозглой мгле – ледоход, ледолом.
По мёрзлой земле мы идём за теплом:
За белым металлом, за синим углём,
За синим углём – не за длинным рублём!

1960, р. Северная, Туруханский край

Перекаты

(песня)

*Памяти геолога Станислава Погребницкого,
погибшего в 1960 г. на реке Северной*

Всё перекаты да перекаты –
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, –
Плыву вперёд по абрису.

А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою...
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

К большой реке я наутро выйду,
Наутро лето кончится,
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.

И если есть там с тобою кто-то, –
Не стоит долго мучиться:
Люблю тебя я до поворота,
А дальше – как получится.

Всё перекааты да перекааты –
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, –
Плыву вперёд по абрису.

1960, Ленинград

На материк

(песня)

От злой тоски не матерись, —
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Идёт последний караван.

Опять пурга, опять зима
Придёт, метелями звеня.
Уйти в бега, сойти с ума
Теперь уж поздно для меня.

Здесь невесёлые дела,
Здесь дышат горы горячо,
А память давняя легла
Зелёной тушью на плечо.

Я до весны, до корабля
Не доживу когда-нибудь.
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

От злой тоски не матерись, —
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк

Ушёл последний караван.

1960, Ленинград

Ах, не ревнуй меня

(песня)

Ах, не ревнуй меня к девке зелёной,
А ты ревнуй меня к воде солёной.
Ах, не ревнуй меня к вдове дебелий,
А ты ревнуй меня к пене белой.
Закачает вода, завертит,
Всё изменит в моей судьбе,
Зацелует вода до смерти,
Не отпустит меня к тебе.

Ах, не ревнуй меня к ласке дочерней,
А ты ревнуй меня к звезде вечерней.
Ах, не ревнуй меня к соседке Райке,
А ты ревнуй меня к серой чайке.
Только чайка крылом поманит –
И уйду от любви твоей,
Пусть сегодня она обманет –
Завтра снова поверю ей.

Ах, не ревнуй меня к глазам лукавым,
А ты ревнуй меня к придонным травам.
Ах, не ревнуй меня к груди налитой,
А ты ревнуй меня к песне забытой.
Мне бы вовсе её не слушать,

Как услышу – дышать невмочь,
Снова песня источит душу
И из дома погонит прочь.

Ах, не ревнуй меня к девке зелёной,
А ты ревнуй меня к воде солёной.
Ах, не ревнуй меня к вдове дебелий,
А ты ревнуй меня к пене белой.
Закачает вода, завертит,
Всё изменит в моей судьбе,
Зацелует вода до смерти,
Не отпустит меня к тебе.

1962, парусник «Крузенштерн»

Английский канал

(песня)

Анне Наль

Над Английским каналом огни,
Над Английским каналом туманы.
Ах, зачем до тебя всё считаю я дни, —
Наши встречи редки и обманны.

Снова чайка кружится, трубя,
Над негромкой вечерней волною.
Ах, зачем, ах, зачем так люблю я тебя,
Когда нет тебя рядом со мною?

Цвет на серый меняет вода,
И становятся звёзды на место.
Ах, зачем ты судьбой одинокой горда —
Не жена, не вдова, не невеста?

А над Английским каналом огни,
Над Английским каналом туманы.
Ах, зачем мы с тобой в целом мире одни,
Ах, зачем мы с тобой постоянны?

1962, пролив Ла-Манш

Вперёдсмотрящий

(песня)

Маяк далёкий в темноте погас.
Ползёт туман, и близок шквал летящий.
Не отводи от горизонта глаз,
Вперёдсмотрящий, вперёдсмотрящий.

Ты вспоминаешь серые глаза,
Ты хвалишься любовью настоящей, —
Смотри вперёд и не смотри назад,
Вперёдсмотрящий, вперёдсмотрящий.

Нам быют в лицо холодные дожди,
И ветер обжигает нас слепящий.
Скажи же нам, что ждёт нас впереди,
Вперёдсмотрящий, вперёдсмотрящий.

Избавлен ты от тысячи забот,
Ночей бессонных и тоски щемящей, —
Ведь должен ты всегда смотреть вперёд,
Вперёдсмотрящий, вперёдсмотрящий.

1962, парусник «Крузенштерн», Северная Атлантика

Пиратская

(песня)

Пират, забудь о стороне родной,
Когда сигнал «К атаке!» донесётся.
Поскрипывают мачты над волной,
На пенных гребнях вспыхивает солнце.
Земная неизвестна нам тоска
Под флагом со скрещёнными костями,
И никогда мы не умрём, пока
Качаются светила над снастями!

Дрожите, лиссабонские купцы,
Свои жиры студёные трясите,
Дрожите, королевские дворцы
И скарёдное лондонское Сити, –
На шумный праздник пушек и клинка
Мы явимся незванными гостями,
И никогда мы не умрём, пока
Качаются светила над снастями!

Вьёт вымпела попутный ветерок.
Назло врагам живём мы, не старея.
И если в ясный солнечный денёк
В последний раз запляшем мы на рее, –
Мы вас во сне ухватим за бока,

Мы к вам придём недобрыми вестями,
И никогда мы не умрём, пока
Качаются светила над снастями!

1962, парусник «Крузенштерн», Северная Атлантика

Чистые пруды

(песня)

Анне Наль

Всё, что будет со мной, знаю я наперёд,
Не ищу я себе провожатых.
А на Чистых прудах лебедь белый плывёт,
Отвлекая вагоновожатых.

На бульварных скамейках галдит малышня,
На бульварных скамейках – разлуки.
Ты забудь про меня, ты забудь про меня,
Не заламывай тонкие руки.

Я смеюсь пузырьём на осеннем дожде,
Надо мной – городское движенье.
Всё круги по воде, всё круги по воде
Разгоняют моё отраженье.

Всё, чем стал я на этой земле знаменит, –
Темень губ твоих, горестно сжатых...
А на Чистых прудах лёд коньками звенит,
Отвлекая вагоновожатых.

1962, р. Сухариха, Туруханский край

Брусника

(песня)

Ты мне письмо прислать рискни-ка,
Хоть это всё, конечно, зря.
Над поздней ягодой брусникой
Горит холодная заря.

Опять река несёт туманы,
Опять в тепло уходит зверь.
Ах, наши давние обманы,
Вы стали правдою теперь.

Меня ты век любить смогла бы,
И мне бы век любить ещё,
Но держит осень красной лапой
Меня за мокрое плечо.

И под гусиным долгим криком,
Листвою ржавою соря,
Над поздней ягодой брусникой
Горит холодная заря.

1962, Игарка

Атланты

(песня)

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.
Держать его, машину –
Не мёд со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены.
Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то –
И небо упадёт.
Во тьме заплачут вдовы,
Повыгорят поля,
И встанет гриб лиловый,
И кончится Земля.
А небо год от года
Всё давит тяжелей,
Дрожит оно от гуда

Ракетных кораблей.

Стоят они, ребята,
Точёные тела, –
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.
Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна.
Их красоту снарядами
Уродует война.
Стоят они, навеки
Уперши лбы в беду,
Не боги – человеки,
Привычные к труду.
И жить ещё надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

1963, парусник «Крузенштерн», Северная Атлантика

Паруса «Крузенштерна»

(песня)

Расправлены вымпелы гордо.
Не жди меня скоро, жена, –
Опять закипает у борта
Крутого посла волна.
Под северным солнцем неверным,
Под южных небес синевой –
Всегда паруса «Крузенштерна»
Шумят над моей головой.

И дома порою ночью,
Лишь только раскрою окно,
Опять на ветру надо мною
Тугое поёт полотно.
И тесны домашние стены,
И душен домашний покой,
Когда паруса «Крузенштерна»
Шумят над моей головой.

Пусть чаек слепящие вспышки
Горят надо мной в вышине,
Мальчишки, мальчишки, мальчишки
Пусть вечно завидуют мне.
И старость отступит, наверно, –

Не властна она надо мной,
Когда паруса «Крузенштерна»
Шумят над моей головой.

1963, парусник «Крузенштерн»

Не женитесь, поэты

(песня)

Позабыты недочитанные книжки,
Над прудами шумное веселье –
Это бродят беззаботные мальчишки
По аллеям парковым весенним.
Им смеётся солнышко в зените,
Дразнят их далёкие рассветы...
Не женитесь, не женитесь, не женитесь,
Не женитесь, поэты!

Ненадолго хватит вашего терпенья.
Чёрный снег над головами кружит.
Затерялись затупившиеся перья
Между бабьих ленточек и кружев.
Не нашёл княжны упрямый витязь,
Для стрельбы готовы пистолеты...
Не женитесь, не женитесь, не женитесь,
Не женитесь, поэты!

Зимний вечер над Святыми над Горами,
Зимний вечер, пасмурный и мглистый.
И грустит портрет в тяжёлой раме,
И зевают сонные туристы.
Ткёт метель серебряные нити,

В белый пух надгробия одеты...

Не женитесь, не женитесь, не женитесь,

Не женитесь, поэты!

1963

Как грустна осенняя вода

(песня)

Как грустна осенняя вода,
Как печальны пристани пустые!
Вновь сентябрь на наши города
Невода кидает золотые.

И, ещё спеша и суется,
Всё равно – смешно нам или горько,
Трепыхаясь в лиственных сетях,
Мы плывём за временем вдогонку.

Ни надежд не будет, ни любви
За его последнюю границу.
Ах, поймай меня, останови,
Прикажи ему остановиться!

Только ты смеёшься, как всегда.
Только ты отдёргиваешь руки.
Надо мной осенняя вода
Начинает песню о разлуке.

Как грустна осенняя вода,
Как печальны пристани пустые!
Вновь сентябрь на наши города

Невода кидаєт золотые.

1964

Над Канадой

(песня)

Над Канадой, над Канадой
Солнце низкое садится.
Мне уснуть давно бы надо, –
Отчего же мне не спится?
Над Канадой небо сине,
Меж берёз дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только всё же – не Россия.

Нам усталость шепчет: «Грейся», –
И любовь заводит шашни.
Дразнит нас снежок апрельский,
Манит нас уют домашний.
Мне снежок – как не весенний,
Дом чужой – не новоселье:
Хоть похоже на веселье,
Только всё же – не веселье.

У тебя сегодня слякоть,
В лужах солнечные пятна.
Не спеши любовь оплакать,
Подожди меня обратно.
Над Канадой небо сине,

Меж берёз дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только всё же – не Россия!

1963, Галифакс, Новая Шотландия

Перелётные ангелы

(песня)

Памяти жертв сталинских репрессий

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не крутить нам по комнатам сладкий дым папирос.
Перелётные ангелы летят на север,
И их нежные крылья обжигает мороз.

Опускаются ангелы на крыши зданий,
И на храмах покинутых ночуют они,
А наутро снимаются в полёт свой дальний,
Потому что коротки весенние дни.

И когда ветры тёплые в лицо подуют
И от лени последней ты свой выронишь лом,
Это значит – навек твою башку седую
Осенит избавление лебединым крылом.

Вы не плачьте, братишечки, по давним семьям,
Вы не врите, братишечки, про утраченный юг, –
Перелётные ангелы летят на север,
И тяжёлые крылья над тундрой поют.

Петровские войны

А чем была она, Россия,
Тем ярославским мужикам,
Что шли на недруга босые,
В пищальный ствол забив жакан,
Теснили турка, гнали шведа,
В походах пухли от пшена?
Кто мог бы внятно нам поведать,
Чем для него была она?
А чем была она, Россия,
Страна рабов, страна господ,
Когда из их последней силы
Она цедила кровь и пот,
На дыбу вздёргивала круто,
На мёртвых не держала зла,
Цветы победного салюта
Над их могилами несла?
В её полях зимой и летом
Кричит над ними вороньё.
Но если б думали об этом, —
Совсем бы не было её.

Испанская граница

(песня)

Овадию Савичу

У испанской границы пахнет боем быков –
Взбаламученной пылью и запёкшейся кровью.
У испанской границы не найдёшь земляков,
Кроме тех, что легли здесь – серый крест в изголовье.

Каталонские лавры над бойцами шумят,
Где-то плачут над ними магаданские ели.
Спят комбриги полёгших понапрасну бригад,
Трубачи озорные постареть не успели.

Эй, ребята, вставайте! – нынче время не спать.
На седые шинели пришивайте петлицы.
Вы бригаду под знамя соберите опять
У испанской границы, у испанской границы!

Но молчат комиссары в той земле ледяной,
Им в завьюженной тундре солнце жаркое снится.
И колымские ветры всё поют надо мной
У испанской границы, у испанской границы.

1965, парусник «Крузеништерн», Гибралтар

Геркулесовы столбы

(песня)

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога,
У Геркулесовых столбов, где плавал Одиссей.
Меня оплакать не спеши, ты подожди немного,
И чёрных платьев не носи, и частых слёз не сей.

Ещё под парусом тугим в чужих морях не спим мы,
Ещё к тебе я доберусь, не знаю сам, когда.
У Геркулесовых столбов дельфины греют спины
И между двух материков огни несут суда.

Ещё над чёрной глубиной морочит нас тревога
Вдали от царства твоего, от царства губ и рук.
Пуškai пока моя родня тебя не судит строго,
Пуškai на стенке повисит мой запылённый лук.

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога.
Пусть южный ветер до утра в твою стучится дверь.
Ты не спеши меня забыть, ты подожди немного, –
И вина сладкие не пей, и женихам не верь!

1965, парусник «Крузенштерн»

Моряк, покрепче вяжи узлы

(песня)

Моряк, покрепче вяжи узлы –
Беда идёт по пятам.
Вода и ветер сегодня злы,
И зол, как чёрт, капитан.
Пусть волны вслед разевают рты,
Пусть стонет парус тугой –
О них навек позабудешь ты,
Когда придём мы домой.

Не верь подруге, а верь в вино,
Не жди от женщин добра:
Сегодня помнить им не дано
О том, что было вчера.
За длинный стол посади друзей
И песню громко запой, –
Ещё от зависти лопнуть ей,
Когда придём мы домой.

Не плачь, моряк, о чужой земле,
Скользящей мимо бортов.
Пускай ладони твои в смоле,
Без пятен сердце зато.
Лицо закутай в холодный дым,

Водой солёной умой,
И снова станешь ты молодым,
Когда придём мы домой.

Покрепче, парень, вяжи узлы —
Беда идёт по пятам.
Вода и ветер сегодня злы,
И зол, как чёрт, капитан.
И нет отсюда пути назад,
Как нет следа за кормой.
Никто не сможет тебе сказать,
Когда придём мы домой!

Сам чёрт не сможет тебе сказать,
Когда придём мы домой!

1965, парусник «Крузеништерн»

Народовольцы

Цареубийцы из домов приличных,
Интеллигенты с белыми руками,
О ваших судьбах юношеских личных
Молчат архивы за семью замками.
Над вашими портретами не плачем:
Как мало вы похожи на живых.
Как холодно от ваших шей цыплячьих,
От ваших взглядов – светлых, ножевых.
Летать во сне и слушать Баха робко,
На лето ездить к тётушке в Херсон,
Мальчишеским пушистым подбородком
С намыленной петлёй играть в серсо.
Ни поцелуя, ни письма любовного
Единой страстью сердце сожжено.
И плакали. И поднимали бомбу,
Как сеятель, кидающий зерно.

1965

Освенцим

(песня)

Над просёлками листья – как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи – так вовсе нигде не лежат.
А евреи по небу серым облачком реют.
Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее, –
Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу.
И ни камня, ни песни от жидов не осталось,
Только ботишков детских игрушечный ряд.
Что бы с ними ни случилось, не испытывай жалость,
Ты послушай-ка лучше, что про них говорят.
А над шляхами листья – как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи – так вовсе нигде не лежат.

1966

Треблинка

(песня)

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеян
Мой бедный народ.

Порою ночью
Всё снится мне сон:
Дрожит подо мною
Товарный вагон,
И тонко, как дети,
Кричат поезда,
И жёлтая светит
На небе звезда...

Недолго иль длинно
На свете мне жить, —
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,

Но всё до поры:
Я камень, я камень
На склоне горы.

Плечом прижимаюсь
К сожжённым плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам,
Чтоб помнили каты —
Не выигран бой:
Я камень, я камень
Над их головой.

О память, воскресни, —
Не кончился бой:
Я песня, я песня
Над их головой.

1966, Варшава

Песня подводников

(песня)

На что нам дети, на что нам фермы?
Земные радости не про нас.
Всё, чем на свете живём теперь мы, –
Немного воздуха и – приказ.
Мы вышли в море служить народу,
Да нету что-то вокруг людей.
Подводная лодка уходит в воду –
Ищи её неизвестно где.

Здесь трудно жирным, здесь тощим проще,
Здесь даже в зиму стоит жара,
И нету поля, и нету рощи,
И нет ни вечера, ни утра.
Над нами, как над упавшим камнем,
Круги расходятся по воде.
Подводная лодка в глубины канет –
Ищи её неизвестно где.

Нам солнце на день дают в награде,
И спирта злого ожёг во рту.
Наживы ради снимают бляди
Усталость нашу в ночном порту.
Одну на всех нам делить невзгodu,

Одной нам рапорт сдавать беде.
Подводная лодка уходит в воду –
Ищи её неизвестно где.

В одну одежду мы все одеты,
Не помним ни матери, ни жены.
Мы обтекаемы, как ракеты,
И, как ракеты, устремлены.
Ну кто там хочет спасти природу
И детский смех, и весенний день?
Подводная лодка уходит в воду –
Ищи её неизвестно где.

1966

Монолог маршала

(песня)

Я – маршал, посылающий на бой
Своих ушастых стриженных мальчишек.
Идут сейчас весёлою гурьбой,
А завтра станут памятников тише.
В огонь полки гоню перед собой
Я – маршал, посылающий на бой.

Я славою отмечен с давних пор,
Уже воспеты все мои деянья.
Но снится мне зазубренный топор,
И красное мне снится одеянье,
И обелисков каменная твердь.
Я – маршал, посылающий на смерть.

Пока в гостях бахвалится жена,
Один бреду я по своим хоромам,
И звякают негромко ордена
Неугомонным звоном похоронным,
И заглушить его мне не суметь.
Я – маршал, посылающий на смерть.

Не знающему робости в боях,
Немало раз пришлось мне нюхать порох.

Но странный я испытываю страх
В пустых соборах и на школьных сборах.
И объяснить его мне не суметь.
Я – маршал, посылающий на смерть.

И победить его мне не суметь.
Я – маршал, посылающий на смерть.
И мне не крикнуть совести: «Не смей!».
Я – маршал, посылающий на смерть.

1967

Владимиру Высоцкому в роли Галилея

1. Галилей (песня)

Отрекись, Галилей, отрекись
От науки ради науки!
Нечем взять художнику кисть,
Если каты отрубят руки,
Нечем гладить бокал с вином
И подруги бедро крутое.
А заслугу признать виной
Для тебя ничего не стоит.

Пусть потомки тебя бранят
За невинную эту подлость, –
Тяжелей не видеть закат,
Чем под актом поставить подпись,
Тяжелей не слышать реки,
Чем испачкать в пыли колено.
Отрекись, Галилей, отрекись, –
Что изменится во Вселенной?

Ах, поэты и мудрецы,
Мы моральный несём убыток
В час, когда святые отцы
Волокут нас к станкам для пыток.
Отрекись глупцам вопреки, –
Кто из умных тебя осудит?
Отрекись, Галилей, отрекись,
Нам от этого легче будет.

2. Антигалилей

(песня)

Ну, кто в наши дни поёт? –
Ведь воздух от гари душен.
И рвут мне железом рот,
Окурками тычут в душу.

Ломают меня палач
На страх остальному люду.
И мне говорят: «Заплачь!»
А я говорю: «Не буду!»

Пихнут меня в общий строй,
Оденут меня солдатом,
Навесят медаль – герой! –
Покроют бронёй и матом.

Мне водку дают, как чай,
Чтоб храбрым я был повсюду.
И мне говорят: «Стреляй!»
А я говорю: «Не буду!»

А мне говорят: «Ну что ж,
Свою назови нам цену.
Объявим, что ты хорош.
Поставим тебя на сцену».
Врачуют меня врачи,
Кроят из меня Иуду.
И мне говорят: «Молчи!»
А я говорю: «Не буду!»

1967

Элегия

Евгению Клячкину

Сентябрь сколачивает стаи,
И первый лист звенит у ног.
Извечна истина простая:
Свободен – значит, одинок.

Мечтая о свободе годы,
Не замечаем мы того,
Что нашей собственной свободы
Боимся более всего.

И на растерянные лица
(Куда нам жизни деть свои?)
Крылом спасительным ложится
Власть государства и семьи.

В углу за снятою иконой
Вся в паутине пустота.
Свободен – значит, вне закона.
Как эта истина проста!

Входная дверь гремит, как выстрел,
В моём пустеющем доме.
Так жить нам вместе, словно листьям,

А падать вниз по одному.

1967

Друзья и враги

(песня)

Наших пыльных дворов мечтатели,
Вспоминаю вас я,
По игре в футбол – неприятели
И по партам – друзья.
Но не знаю я тем не менее,
От каких же шагов
Начинается разделение
На друзей и врагов.

Все мальчишками были близки мы –
По плечу и на «ты».
Под гранитными обелисками
Догорают цветы...
Что же ты, моё поколение,
Не сносило голов?
Опоздало ты с разделением
На друзей и врагов!

А зелёный шарик крутится,
Молодым не до сна
А на улице вновь распутицу
Затекает весна.
Обнажают реки весенние

Рубежи берегов.
Начинается разделение
На друзей и врагов.

1968

Любовница блока

(песня)

Памяти Л. А. Андреевой-Дельмас

Без дерева высохшей веткой,
При солнечном свете страшна,
В салопе, затёртом и ветхом,
Бредёт тротуаром она.
Плывёт привиденье дневное
По улицам мимо ворот,
И шёпот ползёт за спиною:
Любовница Блока идёт.

В могиле своей одинокой
Лежит он – чужой и ничей.
Ни прибыли нету, ни прока
От тех позабытых ночей.
С болонкою лысой и старой,
Из года бессмертная в год,
Пугая влюблённые пары,
Любовница Блока идёт.

Летит над землёю горбатой
Военных угроз дребедень.
Наш век беспокойный двадцатый

Клонится к закату, как день.
Разгул революций неистов,
Ракеты уходят в полёт.
Под звонкое кваканье твиста
Любовница Блока идёт.

Идёт через воду людскую,
Идёт по любимым гробам,
И серые губы тоскуют
По мёртвым и чистым губам.
И, новых грехов отпущенье
Даруя другим наперёд,
Навстречу земному вращенью
Любовница Блока идёт.

1968

Поэты

Лежат поэты на холмах пустынных,
И непонятно, в чём же корень зла,
Что в поединке уцелел Мартынов,
И что судьба Дантеса сберегла?
Что, сколько раз ни приходилось биться,
Как ни была рука его тверда,
Не смог поэт ни разу стать убийцей,
И оставался жертвою всегда?
Неясно, почему? Не потому ли,
Что был им непривычен пистолет?
Но бил со смехом Пушкин пулю в пулю,
Туза навскидку пробивал корнет.
Причина здесь не в шансах перевеса, –
Была вперёд предрешена беда:
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса,
Как жить ему и как писать тогда?

1969

Новелле Матвеевой

(песня)

А над Москвою небо невесомое,
В снегу деревья с головы до пят,
И у Ваганькова трамваи сонные,
Как лошади усталые, стоят.

Встречаемый сварливую соседкою,
Вхожу к тебе, досаду затая.
Мне не гнездом покажется, а клеткою
Несолнечная комната твоя.

А ты поёшь беспомощно и тоненько,
И, в мире проживающий ином,
Я с твоего пытаюсь подоконника
Дельфинию увидеть за окном.

Слова, как листья, яркие и ломкие,
Кружатся, опадая с высоты,
А за окном твоим заводы громкие
И тихие могильные кресты.

Но суеты постылой переулочной
Идёшь ты мимо, царственно слепа.
Далёкий путь твой до ближайшей булочной

Таинственен, как горная тропа.

И музыкою полно воскресение,
И голуби ворчат над головой,
И поездов ночных ручьи весенние
Струятся вдоль платформы Беговой.

А над Москвою небо невесомое,
В снегу деревья с головы до пят,
И у Ваганькова трамваи сонные,
Как лошади усталые, стоят.

1969

Переделкино

(песня)

Лидии Либединой

Позабудьте свои городские привычки, –
В шуме улиц капель не слышна.
Отложите дела – и скорей к электричке:
В Переделкино входит весна.
Там зелёные воды в канавах проснулись,
Снег последний к оврагам приник.
На фанерных дощечках названия улиц –
Как заглавия давние книг.

Здесь, тропинкой бредя, задеваешь щекою
Паутины беззвучную нить.
И лежит Пастернак над закатным покоем,
И весёлая церковь звонит.
А в безлюдных садах и на улицах мглистых
Над дыханием влажной земли
Молча жгут сторожа прошлогодние листья –
Миновавшей весны корабли.

И на даче пустой, где не хочешь, а пей-ка
Непонятные горькие сны,
Заскрипит в темноте под ногами ступенька,

И Светлов подмигнёт со стены.

И поверить нельзя невозможности Бога

В ранний час, когда верба красна.

И на заячьих лапках, как в сердце – тревога,

В Переделкино входит весна.

1969

Остров Гваделупа

(песня)

Игорю Белоусову

Такие, брат, дела... Такие, брат, дела –
Давно уже вокруг смеются над тобою.
Горька и весела, пора твоя прошла,
И партию сдавать пора уже без боя.
На палубе ночной постой и помолчи.
Мечтать за сорок лет – по меньшей мере, глупо.
Над тёмною водой огни горят в ночи –
Там встретит поутру нас остров Гваделупа.

Пусть годы с головы дерут за прядью прядь,
Пусть грустно от того, что без толку влюбляться, –
Не страшно потерять умение удивлять,
Страшнее – потерять умение удивляться.
И, возвратясь в края обыденной земли,
Обыденной любви, обыденного супа,
Страшнее – позабыть, что где-то есть вдали
Наветренный пролив и остров Гваделупа.

Так пусть же даст нам Бог, за все грехи грозя,
До самой смерти быть солидными не слишком,
Чтоб взрослым было нам завидовать нельзя,

Чтоб можно было нам завидовать мальчишкам.
И будут сниться сны нам в комнатной пыли
Последние года, отмеренные скупю,
И будут миновать ночные корабли
Наветренный пролив и остров Гваделупа.

1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»

Ночная вахта

Ночная вахта в тёплом океане.
Дрожь палубы, звон колокола ранний,
Апрельских звёзд летящие тела,
И темнота таинственная рубки,
И штурмана светящиеся руки
Над золотой поверхностью стола.
Ночная вахта в тёплом океане.
Немыслимая дальность расстояний,
Благословенье Южного Креста,
Тяжёлых рей мерцающие ноки.
Мы здесь, как космонавты, одиноки, —
Созвездия вокруг и пустота.
Как этот миг торжественен и странен!
Там, на Земле, трамвай грохочет ранний,
Бесчинствует весенняя капель,
А нас качает, как младенца в ванне,
Ночная вахта в тёплом океане —
Солёная и сладкая купель.
Напарник мой, в каюте крепко спит он.
Весь воздух электричеством пропитан,
Звезду от капли отличить нельзя.
Стою на грани двух стихий великих,
И волн фосфоресцирующих блики
Мне опаляют зеленью глаза.
Неблагодарный отпрыск мироздания,

Давно уж атеизму отдал дань я,
То верой, то неверием горя,
Но вот молчу, испуганно и строго,
И верю в Бога, и не верю в Бога
У этого большого алтаря.
Да, я недолго видеть это буду,
И за десятки тысяч миль отсюда
Песчинкой лягу неизвестно где.
Но будет жить поверившая в чудо
Душа моя бессмертная, покуда
Горит огонь на небе и в воде.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Атлантида

(песня)

Атлантических волн паутина
И страницы прочитанных книг.
Под водою лежит Атлантида –
Голубого огня материк.
А над ней – пароходы и ветер,
Стаи рыб проплывают над ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

Не найти и за тысячу лет нам –
Объясняют учёные мне –
Ту страну, что пропала бесследно
В океанской ночной глубине.
Мы напрасно прожектором светим
В этом царстве подводных теней.
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

Век двадцатый, войною палимый, –
Смерть прикинется тёплым дождём...
Кто нам скажет, откуда пришли мы?
Кто нам скажет, куда мы уйдём?
Кто сегодня нам сможет ответить,

Сколько жить нам столетий и дней?..
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

И хотя я скажу себе тихо:
«Не бывало её никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?» –
Я отвечу уверенно: «Да!»
Пусть поверят историям этим.
Атлантида – ведь дело не в ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»

Новодевичий монастырь

(песня)

Снова рябь на воде и сентябрь на дворе.
Я брожу в Новодевичьем монастыре,
Где невесты-березы, склоняясь ко рву,
Словно девичьи слёзы роняют листву.
Здесь все те, кто был признан в народе, лежат.
Здесь меж смертью и жизнью проходит межа.
И кричит одинокая птица, кружа,
И влюблённых гоняют с могил сторожа.

У нарядных могил обихоженный вид, —
Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит.
Им легко в этом месте — ведь тот и другой
Жизни отдали вместе идее одной.
Дым плывёт, невесом. Тишина, тишина...
Осеньет их сон кружевная стена.
И металлом на мраморе их имена,
Чтобы знала, кого потеряла, страна.

А в полях под Москвой, а в полях под Орлом,
Порыжевшей травой, через лес напролом,
Вдоль освоенных трасс на реке Колыме,
Ходит ветер, пространство готовя к зиме.
Зарастают окопы колючим кустом.

Не поймёшь, кто закопан на месте пустом:
Без имён их земля спеленала, темна,
И не знает, кого потеряла, страна.

Я люблю по холодной осенней поре
Побродить в Новодевичьем монастыре.
День приходит, лилов, и уходит назад,
Тусклый свет куполов повернув на закат...
Не хочу под плитой именно лежать, –
Мне б водою речной за стеною бежать,
Мне б песчинкою лечь в монастырь, что вместил
Территорию тех безымянных могил.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Донской монастырь

(песня)

А в Донском монастыре
Зимнее убранство.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Взяв метели под уздцы,
За стеной, как близнецы,
Встали новостройки.
Снятся графам их дворцы,
А графиням – бубенцы
Забубённой тройки.

А в Донском монастыре
Время птичьих странствий.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Дремлют, шуму вопреки,
И близки, и далеки
От грачиных криков,
Камергеры-старики,
Кавалеры-моряки
И поэт Языков.

Ах, усопший век баллад,

Век гусарской чести!
Дамы пиковые спят
С Германнами вместе.
Под бессонною Москвой,
Под зелёною травой
Спит – и нас не судит
Век, что век закончил свой
Без войны без мировой,
Без вселенских сует.

Листопад в монастыре.
Вот и осень, – здравствуй.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Век двадцатый на дворе,
Тёплый дождик в сентябре,
Лист летит в пространство...
А в Донском монастыре
Сладко спится на заре
Русскому дворянству.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Жена французского посла

(песня)

Мне не Тани снятся и не Гали,
Не поля родные, не леса, –
В Сенегале, братцы, в Сенегале
Я такие видел чудеса!
Ох, не слабы, братцы, ох, не слабы
Плеск волны, мерцание весла,
Крокодилы, пальмы, баобабы
И жена французского посла.

Хоть французский я не понимаю
И она по-русски – ни фи́га,
Но как высока грудь её нагая,
Как нага высокая нога!
Не нужны теперь другие бабы –
Всю мне душу Африка свела:
Крокодилы, пальмы, баобабы
И жена французского посла.

Дорогие братья и сестрицы,
Что такое сделалось со мной?
Всё мне сон один и тот же снится,
Широкоэкранный и цветной.
И в жару, и в стужу, и в ненастье

Всё сжигает он меня дотла, —
В нём постель, распахнутая настежь,
И жена французского посла!

1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»

Воздухоплавательный парк

(песня)

Куда, петербургские жители,
Толпою весёлой бежите вы?
Какое вас гонит событие
В предместье за чахлый лесок?
Там зонтики белой пеною,
Мальчишки и люди степенные,
Звонят палашами военные,
Оркестр играет вальсок.

Ах, лётчик отчаянный Уточкин,
Шофёрские вам не идут очки.
Ну что за нелепые шуточки –
Скользить по воздушной струе?
И так ли уж вам обязательно,
Чтоб вставшие к празднику затемно,
Глазели на вас обыватели,
Роняя свои канотье?

Коляскам тесно у обочины.
Взволнованы и озабочены,
Толпятся купцы и рабочие,
И каждый без памяти рад
Увидеть, как в небе над городом,

В пространстве, наполненном холодом,
Под звуки нестройного хора дам
Нелепый парит аппарат.

Он так неуклюж и беспомощен!
Как парусник, ветром влеком ещё,
Опору в пространстве винтом ища,
Несётся он над головой.
Такая забава не кстати ли?
За отпрысков радуйтесь, матери,
Поскольку весьма занимателен
Сей праздничный трюк цирковой.

Куда, петербургские жители,
Толпою весёлой бежите вы?
Не стелют свой след истребители
У века на самой заре,
Свод неба пустынен и свеж ещё,
Достигнут лишь первый рубеж ещё...
Не завтра ли бомбоубежище
Отроют у вас во дворе?

1971

Романс Чарноты

(песня)

К спектаклю по пьесе М. А. Булгакова «Бег»

Как медь умела петь
В монастыре далече!
Ах, как пылала медь,
Обняв крутые плечи!
Звенели трензеля,
Летели кони споро
От белых стен Кремля
До белых скал Босфора.

Зачем во цвете лет,
Познавший толк в уставе,
Не в тот пошёл я цвет,
На масть не ту поставил?
Могил полны поля,
Витают синий порох
От белых стен Кремля
До белых скал Босфора.

Не лучше ли с ЧеКой
Мне было бы спознаться,
К родной земле щекой

В последний раз прижаться,
Стать звоном ковыля
Среди степного сора
Меж белых стен Кремля
И белых скал Босфора?..

1971

Дуэль

(песня)

За дачную округу
Поскачем весело,
За Гатчину и Лугу,
В далёкое село,
Там головы льняные
Склоняя у огня,
Друзья мои хмельные
Скучают без меня.

Там чаша с жжёной спелой
Задышит, горяча,
Там в баньке потемнелой
Затеплится свеча,
И ляжет – снится, что ли? –
Снимая грусть-тоску,
Рука крестьянки Оли
На жёсткую щеку.

Спешим же в ночь и выюгу,
Пока не рассвело,
За Гатчину и Лугу,
В далёкое село.
Сгорая, гаснут свечки

В час утренних теней.
Возница к Чёрной речке
Поворотил коней.

Сбежим не от испуга –
Противнику назло,
За Гатчину и Лугу,
В далёкое село!..
Там, головы льняные
Склоняя у огня,
Друзья мои хмельные
Скучают без меня.

1971

Аэропорты девятнадцатого века

(песня)

Когда закрыт аэропорт,
Мне в шумном зале вспоминается иное:
Во сне летя во весь опор,
Негромко лошади вздыхают за стеною,
Поля окрестные мокры,
На сто губерний ни огня, ни человека...
Ах, постоялые дворы,
Аэропорты девятнадцатого века!

Сидеть нам вместе до утра, –
Давайте с вами познакомимся получше.
Из града славного Петра
Куда, скажите, вы торопитесь, поручик?
В края обвалов и жары,
Под брань начальства и под выстрелы абрека.
Ах, постоялые дворы,
Аэропорты девятнадцатого века!

Куда ни ехать, ни идти,
В любом столетии, в любое время года
Разъединяют нас пути,
Объединяет нас лихая непогода.
О, как к друг другу мы добры,

Когда бесчинствует распутица на реках!..
Ах, постоянные дворы,
Аэропорты девятнадцатого века!

Какая общность в этом есть?
Какие зыбкие нас связывают нити?
Привычно чокаются здесь
Поэт с фельдшером – гонимый и гонитель.
Оставим споры до поры,
Вино заздравное – печали лучший лекарь.
Ах, постоянные дворы,
Аэропорты девятнадцатого века!

Пора прощаться нам, друзья, –
Окошко низкое в рассветной позолоте.
Неся нас в разные края,
Рванутся тройки, словно лайнеры на взлёте.
Похмелье карточной игры,
Тоска дорожная да будочник-калека...
Ах, постоянные дворы,
Аэропорты девятнадцатого века!

1971

Соловки

(песня)

Осуждаем вас, монахи, осуждаем, –
Не воюйте вы, монахи, с государем!
Государь у нас – помазанник Божий,
Никогда он быть неправым не может.
Не губите вы обитель, монахи,
В броневые не рядитесь рубахи,
На чело не надвигайте шеломы, –
Крёстным знаменьем укроем чело мы.
Соловки – невелика крепостица,
Вам молиться бы пока да поститься,
Бить поклоны Богородице Деве, –
Что шумите вы в железе и гневѣ?
Не суда ли там плывут? Не сюда ли?
Не воюйте вы, монахи, с государем!
На заутрене отстойте последней, –
Отслужить вам не придѣтся обедни.
Ветром южным паруса задышали,
Рати дружные блестят бердышами,
Бою выучены царские люди –
Никому из вас пощады не будет!
Плаха алым залита и поката.
Море Белое красно от заката.
Шёлка алого рубаха у ката,

И рукав её по локоть закатан.
Шёлка алого рубаха у ката,
И рукав её по локоть закатан.
Враз поднимется топор, враз ударит...
Не воюйте вы, монахи, с государем!

1972

Российский бунт

В России бунты пахнут чернозёмом,
Крестьянским потом, запахом вожжей.
Прислушайся, и загудит над домом
Глухой набат мужицких мятежей.
Серпы и косы заблестят на солнце, —
Дай выпрямиться только от сохи!
С пальбой и визгом конница несётся,
И красные танцуют петухи.
Вставай, мужик, помазанник на царство!
Рассчитываться с барами пора!
Жги города! — И гибнет государство,
Как роща от лихого топора.
Трещат пожары, рушатся стропила,
Братоубийцу проклиняет мать.
Свести бы лишь под корень то, что было!
На то, что будет, трижды наплевать!
И под ярмо опять, чтоб после снова
Извергнуться железом и огнём:
Кто сверху ни поставлен — бей любого, —
Хоть пару лет авось передохнём!

Песня строителей петровского флота

(песня)

Мы – народ артельный,
Дружим с топором.
В роще корабельной
Сосны подберём.
Православный, глянь-ка
С берега, народ,
Погляди, как Ванька
По морю плывёт.

Осенюсь с зарёю
Знаменьем Христа,
Высмолю смолою
Крепкие борта.
Православный, глянь-ка
С берега, народ,
Погляди, как Ванька
По морю плывёт.

Девку с голой грудью
Я изобра ж у.
Медную орудью
Туго заряжу.
Ты, мортира, глянь-ка

Над пучиной вод,
Расскажи, как Ванька
По морю плывёт.

Тешилась над нами
Барская лоза,
Били нас кнутами,
Брали в железа.
Ты, боярин, глянь-ка
От своих ворот,
Как холоп твой Ванька
По морю плывёт.

Море – наша сила,
Море – наша жисть.
Веселись, Россия, –
Швеция, держись!
Иноземный, глянь-ка
С берега, народ, –
Мимо русский Ванька
По морю плывёт!

1972

Почему расстались

(песня)

Сильный и бессильный,
Винный и безвинный,
Словно в кинофильме
«Восемь с половиной»,
Забываю вещи,
Забываю даты –
Вспоминаю женщин,
Что любил когда-то.

Вспоминаю нежность
Их объятий сонных
В городах заснеженных,
В горницах тесовых.
В тёплую Японию
Улетали стаи...
Помню всё – не помню,
Почему расстались.

Вспоминаю зримо
Декораций тени,
Бледную от грима
Девочку на сцене,
Балаган запойный

Песенных ристалищ.
Помню всё – не помню,
Почему расстались.

Тех домов обои,
Где под воскресенье
Я от ссор с собою
Находил спасенье.
Засыпали поздно,
Поздно просыпались.
Помню всё – не помню,
Почему расстались.

Странно, очень странно
Мы с любимой жили:
Как чужие страны,
Комнаты чужие.
Обстановку комнат
Помню до детали,
Помню всё – не помню,
Почему расстались.

Век устроен строго:
Счастье до утра лишь.
Ты меня в дорогу
Снова собираешь.
Не печалься, полно,
Видишь – снег растаял...
Одного не вспомню –

Почему расстались.

1972

Вспоминая Фейхтвангера

(песня)

По-весеннему солнышко греет
На вокзалах больших городов.
Из Германии едут евреи
В середине тридцатых годов.
Поезд звонко и весело мчится
По стране безмятежной и чистой,
В воды доброго старого Рейна
Смотрят путники благоговейно.

Соплеменники, кто помудрее,
Удивляются шумно: «Куда вы?
Процветали извечно евреи
Под защитой разумной державы.
Ах, старинная кёльнская площадь!
Ах, саксонские светлые рощи!
Без земли мы не можем немецкой, –
Нам в иных государствах – не место!»

Жизнь людская – билет в лотерею,
Предсказания – не стоят трудов.
Из Германии едут евреи
В середине тридцатых годов.
От Германии, родины милой,

Покидая родные могилы,
Уезжают евреи в печали.
Их друзья –жимают плечами.

1973

Пролив Сангар

(песня)

Анне Наль

Бьёт волна – за ударом удар.
Чайки крик одинокий несётся.
Мы уходим проливом Сангар
За Страну восходящего солнца.
Всходит солнце – зелёный кружок,
Берег узкий на западе тает.
...А у нас на Фонтанке снежок,
А у нас на Арбате светает...

За кормою кружится вода.
В эту воду, как в память, глядим мы.
И любимые мной города
Превращаются в город единый.
Тихий смех позабывшийся твой
Снова слышу, как слышал когда-то,
Белой ночью над тёмной Невой,
Тёмной ночью над белым Арбатом.

Бьёт волна – за ударом удар.
Чайки крик одинокий несётся.
Мы уходим проливом Сангар

За Страну восходящего солнца.
И в часы, когда ветер ночной
Нас уносит по волнам горбатым,
Всё мне снится мой город родной,
Где встречаются Невский с Арбатом.

*1973, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Тихий океан*

Арбатские старушки

(песня)

Ах, как у времени нашего норов суров!
Дня не пройдёт, чтоб какой-нибудь дом не разрушить.
Скоро не будет арбатских зелёных дворов,
Скоро не будет арбатских весёлых старушек.

Ах, как стремительно мы убегаем вперёд, –
Что нам теперь деревянных домишек обломки?
Что доживает, само постепенно умрёт.
То, что само не умрёт, доломают потомки.

Годы уходят, состаримся скоро и мы, –
Смена идёт нам, асфальтом на смену брусчатке, –
Дети скрипящей и снежной арбатской зимы,
Дети исчезнувшей ныне Собачьей площадки.

Буду некстати теперь вспоминать перед сном
Солнечный мир тишины переулков, в которых
Не уважают газету и свой гастроном
И уважают соседей, собак и актёров.

Будет глаза мои радовать липовый цвет,
Будут кругом улыбаться забытые лица.
Нет разрушенья в помине, и времени нет,

Да и войны никакой, говорят, не случится.

Ах, как у времени норы сегодня суров!
Дня не пройдёт, чтобы что-нибудь в нас не разрушить.
Скоро не будет арбатских зелёных дворов,
Скоро не будет арбатских весёлых старушек.

1974

Годовщина прорыва блокады

Мне эта дата всех иных
Важнее годовщин,
Поминки всех моих родных –
И женщин, и мужчин.
Там снова тлеет, как больной,
Коптилки фитилёк,
И репродуктор жестяной
Отсчитывает срок.
Я становлюсь, как в давний год,
К дневному шуму глух,
Когда из булочной плывёт
Парного хлеба дух.
Сказать не смею ничего
Про эти времена.
Нет мира детства моего, –
Тогда была война.

1974

«Шалея от отчаянного страха...»

Александру Кушнеру
Шалея от отчаянного страха,
Непримиримой правдою горя,
Юродивый на шее рвал рубаху
И обличал на площади царя.
В стране, живущей среди войн и сыска,
Где кто берёт на горло, тот и нов,
Так родилась в поэзии российской
Преславная плеяда крикунов.
Но слуховое впечатление ложно.
Поэзия не факел, а свеча,
И слишком долго верить невозможно
Поэтам, поучающим крича.
Извечно время – слушатель великий.
Столетие проходит или два,
И в памяти людской стихают крики
И оживают тихие слова.

1974

Царское Село

(песня)

Давай поедem в Царское Село,
Где птичьих новоселий переклички.
Нам в прошлое попасть не тяжело, –
Всего лишь полчаса на электричке.
Там статуи, почувствовав тепло,
Очнулись вновь в любовном давнем бреде.
Давай поедem в Царское Село,
Давай поедem!

Не крашенные за зиму дворцы,
Не стриженные за зиму деревья.
Какие мы с тобою молодцы,
Что бросили ненужные кочевья!
В каком краю тебе бы ни везло,
Без детства своего ты всюду беден, –
Давай поедem в Царское Село,
Давай поедem!

В зелёном и нетающем дыму
От дел своих сегодняшних проснуться,
К утраченному миру своему
Руками осторожно прикоснуться...
Ну, кто сказал: воспоминанья – зло? –

Оставим эти глупости соседям!
Давай поедem в Царское Село,
Давай поедem!

Орут грачи весёлые вокруг,
И станет неожиданно понятно,
Что кончился недолгой жизни круг
И время поворачивать обратно:
Увидеть льда зеркальное стекло
И небо над ветвями цвета меди, –
Давай поедem в Царское Село,
Давай поедem!

*1974, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Тихий океан*

Памятник в Пятигорске

(песня)

Продаёт фотограф снимки,
О горах толкует гид.
На Эльбрус, не видный в дымке,
Молча Лермонтов глядит.
Зеленеют склонов кручи,
Уходя под облака.
Как посмели вы, поручик,
Не доехать до полка?

Бронза греется на солнце.
Спят равнины зыбким сном.
Стриж стремительный несётся
Над пехотным галуном.
Долг вам воинский поручен, –
Проскакав полтыщи вёрст,
Как посмели вы, поручик,
Повернуть на Пятигорск?

Пикники и пьянки в гроте,
Женщин томные глаза...
Ваше место – в вашей роте,
Где военная гроза.
Там от дыма небо серо,

Скачут всадники, звеня.
Недостойно офицера
Уклоняться от огня.

Ах, оставьте скуку тыла
И картёжную игру!
Зря зовёт вас друг Мартынов
Завтра в гости ввечеру.
На курорте вы не житель, –
В деле было бы верней.
Прикажите, прикажите
Поутру седлать коней!

1974

День Победы

Подобье чёрно-белого экрана –
Скупая ленинградская природа.
По улице проходят ветераны,
Становится их меньше год от года.
Сияет медь. Открыты окна в доме.
По мостовой идут они, едины,
И сверху мне видны, как на ладони,
Их ордена и сгорбленные спины.
С годами всё трудней их марш короткий,
И слёзы неожиданные душат
От их нетвёрдой старческой походки,
От песен их, что разрывают душу.
И взвода не набрать им в каждой роте.
Пусть снято затемнение в Ленинграде,
Они одни пожизненно – на фронте,
Они одни пожизненно – в осаде.
И в мае, раз в году, по крайней мере,
Приходится им снова, как когда-то,
Подсчитывать растущие потери,
Держаться до последнего солдата.

1974

Кратер Узон

Узона марсианские цвета,
Где булькают таинственные глины,
Где неподвижен свет, и тени длинны,
И чаша неба алым налита.
Косяк гусей, прижившихся в тепле,
Стараюсь ненароком не спугнуть я.
Здесь киноварь рождается во мгле,
Кровавая почву смертоносной ртутью.
Земли новорождённой вид суров:
Здесь пузыри вскипают неустанно
И гейзеры взлетают, как фонтаны,
Над спинами коричневых китов.
Здесь понимаешь: сроки коротки
И ненадёжна наша твердь земная,
Где словно льды плывут материки
И рушатся, друг друга подминая.
И мы живём подобием игры,
Ведя подсчёт минутным нашим славам,
На тоненькой пластиночке коры,
Над медленно клубящимся расплавом.

1974, Камчатка

Дворы-колодцы

Дворы-колодцы детства моего,
Я вижу их из года в год всё ближе.
На них ложился отблеск солнца рыжий,
Над ними были голоса тревог.
Слетал в них сверху нежный пух зимы,
Осколки били проходящим градом.
Здесь жили кошки, голуби и мы –
Болезненные дети Ленинграда.
Нас век делил на мёртвых и живых.
В сугробах у ворот лежала Мойка,
И не было отходов пищевых
В углу двора, где быть должна помойка.
Но март звенел капелью дождевой,
Дымилась у камней земля сырая.
Мы прорастали бледною травой
Меж лабиринтов дровяных сараев.
И плесень зацветала на стене,
И облака всходили жёлтой пеной,
И патефон в распахнутом окне
Хрипел словами песни довоенной.
Дворы-колодцы, давнее жильё,
Мне в вас теперь до старости глядеться,
Чтобы увидеть собственное детство –
Былое отражение своё.

Остров Маккуори

В пространстве ледяном
Огонь мерцает в море, –
Взгляни же перед сном
На остров Маккуори,
Плывущий из сегодня во вчера.
Сейчас там дождь и мрак,
Туссок двуостролистый,
И синезвёздный флаг,
И двадцать австралийцев,
Исследующих сушу и ветра.

Ты слышишь трубный звук, –
Слоны трубят в тумане,
Зовя своих подруг.
Их водоросли манят
В холодные подводные леса.
Литые их тела
Покрыты горькой пылью,
И вторит им скала,
Где пахнувшая гнилью
Прибойная вскипает полоса.

Густеет темнота.
Мне не вернуть теперь их, –
Безлюдные места,

Где падает на берег
Тяжеловесный занавес дождя.
Там утром над водой,
Настоянной, как вина,
Над пеною седой
Беседуют пингвины,
Руками по-одесски разводя.

Покинут материк,
Текут морские мили.
Покажется на миг,
Что нету и в помине
Земли той, где родился ты и рос, –
На острове крутом
Твои остались корни,
Где быстрый, как «Фантом»,
Пикирует поморник,
И над гнездом танцует альбатрос.

Смотри же на залив,
Где дышит Антарктида.
Так, ужас затаив,
В преддверии Аида
Цеплялись греки глазом за края
Покинутой земли,
И с середины Стикса
Назад, пока могли,
Смотрели, зубы стиснув:
Недобрая, а всё-таки своя.

Очерчен контур гор
Путём неярким Млечным,
И остров, как линкор,
Уходит курсом встречным, —
Был близок он и сразу стал далёк.
Там мечется трава
В прибойном гулком плеске,
И всё — лишь острова,
Короткие отрезки,
Как ты, как я, как наших жизней срок.

*1976, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Тихий океан*

Острова в океане

(песня)

И вблизи, и вдали – всё вода да вода.
Плыть в широтах любых нам, вздыхая о ком-то.
Ах, питомцы Земли, как мы рады, когда
На локаторе вспыхнет мерцающий контур!
Над крутыми волнами в ненастные дни,
И в тропический штиль, и в полярном тумане
Нас своими огнями всё манят они,
Острова в океане, острова в океане.

К ночи сменится ветер, наступит прилив.
Мы вернёмся на судно для вахт и авралов,
Пару сломанных веток с собой прихватив
И стеклянный рисунок погибших кораллов.
И забудем мы их, как случайный музей,
Как цветное кино на вчерашнем экране, –
Те места, где своих мы теряем друзей, –
Острова в океане, острова в океане.

А за бортом темно. Только россыпь огней
На далёких хребтах, проплывающих мимо.
Так ведётся давно – с незапамятных дней.
И останется так до скончания мира.
Не спеши же мне вдруг говорить про любовь, –

Между нами нельзя сократить расстояний,
Потому что, мой друг, мы ведь тоже с тобой
Острова в океане, острова в океане.

*1976, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Тихий океан*

Петербург

Кем вписан он в гранит и мох,
Рисунок улиц ленинградских,
На перепутье двух эпох,
Бессмысленных и азиатских?
Насильно Русь привёл сюда
Разочарованный в Востоке
Самодержавный государь,
Сентиментальный и жестокий.
Для пушек выплавив металл,
Одев гранитом бастионы,
Он об Италии мечтал,
О звонкой славе Альбиона.
Не зря судьба переплела
Над хмурой невскою протокой
Соборов римских купола,
Лепное золото барокко.
И меж аллей, где тишина
Порхает легкокрылым Фебом,
Античных статуй белизна
Сливается с полночным небом.
Прости же, Англия, прости
И ты, Италия седая!
Не там Владимир нас крестил –
Был прав безумный Чаадаев.
Но, утомлённые Москвой,

Купив билет на поезд скорый,
С какой-то странною тоской
Мы приезжаем в этот город.
И там, где скользкие торцы
Одела влажная завеса,
В молчанье смотрим на дворцы,
Как скиф на храмы Херсонеса.
Шумит Москва, Четвёртый Рим,
Грядущей Азии мессия,
А Петербург – неповторим,
Как Европейская Россия.

1977

Предательство

(песня)

Предательство, предательство,
Предательство, предательство –
Души незаживающий ожог.
Рыдать устал, рыдать устал,
Рыдать устал, рыдать устал,
Рыдать устал над мёртвыми рожок.
Зовёт за тридевять земель
Трубы серебряная трель,
И лошади несутся по стерне.
Но что тебе святая цель,
Когда пробитая шинель
От выстрела дымится на спине?

Вина твоя, вина твоя,
Что надвое, что надвое
Судьбу твою сломали, ротозей,
Жена твоя, жена твоя,
Жена твоя, жена твоя,
Жена твоя и лучший из друзей.
А все вокруг – как будто «за»,
И смотрят ласково в глаза,
И громко воздают тебе хвалу,
А ты – добыча для ворон,

И дом твой пуст и разорён,
И гривенник пылится на полу.

Учитесь вы, учитесь вы,
Учитесь вы, учитесь вы,
Учитесь вы друзьям не доверять.
Мучительно? – Мучительно!
Мучительно? – Мучительно. –
Мучительнее после их терять.
И в горло нож вонзает Брут,
А под Тезеем берег крут,
И хочется довериться врагу!
Земля в закате и в дыму –
Я умираю потому,
Что жить без этой веры не могу.

Предательство, предательство,
Предательство, предательство –
Души незаживающий ожог.
Рыдать устал, рыдать устал,
Рыдать устал, рыдать устал,
Рыдать устал над мёртвыми рожок.
Зовёт за тридевять земель
Трубы серебряная трель,
И лошади несутся по стерне.
Но что тебе святая цель,
Когда пробитая шинель
От выстрела дымится на спине!

1977

Меж Москвой и Ленинградом

(песня)

Меж Москвой и Ленинградом
Над осенним жёлтым чадом
Провода летят в окне.
Меж Москвой и Ленинградом
Мой сосед, сидящий рядом,
Улыбается во сне.
Взлёт, падение и снова
Взлёт, паденье – и опять
Мне судьба велит сурово
Всё сначала начинать.

Меж Москвой и Ленинградом
Я смотрю спокойным взглядом
Вслед несущимся полям.
Все события и люди,
Всё, что было, всё, что будет,
Поделилось пополам.
Меж Москвой и Ленинградом
Шесть часов – тебе награда,
В кресло сядь и не дыши.
И снуёт игла экспресса,
Сшить стараясь ниткой рельса
Две разрозненных души.

Меж Москвой и Ленинградом
Тёплый дождь сменился градом,
Лист родился и опал.
Повторяют ту же пьесу
Под колёсами экспресса
Ксилофоны чёрных шпал.
Белит ветер снегопадом
Темь оконного стекла.
Меж Москвой и Ленинградом –
Вот и жизнь моя прошла...

1977

След в океане

В ночи Венера надо мной
Горит, как дальнее окошко.
Смотрю назад, где за кормой
Кружится водяная крошка.

Там пенный след вскипает, крут,
На дне бездонного колодца,
А через несколько минут
Волна волной перечеркнётся.

С водою сдвинется вода,
Сотрёт затейливый рисунок, —
Как будто вовсе никогда
Её не вспарывало судно.

Учёные немало лет
Гадают за закрытой дверью,
Как обнаружить этот след,
Чтоб лодку выследить, как зверя.

Среди безбрежной синевы
Их ожидают неудачи,
Поскольку нет следа, увы,
И нет решения задачи.

И ты, плывущий меж светил,
Недолог на своей орбите,
Как этот путь, что прочертил
По небосводу истребитель,

Как облаков холодный дым,
Что завивается, как вата,
Как струйка пенная воды,
Что называется «кильватер».

События недолгих лет
Мелькнут, как лента на экране,
И ты пройдёшь, как этот след
В невозмутимом океане.

1977

Понта-Дельгада

(песня)

В городе Понта-Дельгада
Нет магазинов роскошных,
Гор синеватые глыбы
Тают в окрестном тумане.
В городе Понта-Дельгада
Девочка смотрит в окошко, –
Красной огромною рыбой
Солнце плывёт в океане.

В городе Понта-Дельгада,
Там, где сегодня пишу я,
Плющ донжуаном зелёным
Одолевает балконы.
Трели выводит цикада,
Улицы лезут по склонам,
Явственен в уличном шуме
Цокот медлительный конный.

Спят под лесами вулканы,
Как беспокойные дети.
Подняли жёсткие канны
Красные свечи соцветий.
Ах, это всё существует

Вот уже восемь столетий –
Юбки метут мостовую,
Трогает жалюзи ветер.

Если опять я устану
От ежедневной погони,
Сон мне приснится знакомый –
Ночи короткой награда:
Хлопают чёрные ставни,
Цокают звонкие кони
В городе Понта-Дельгада,
В городе Понта-Дельгада.

*1977, научно-исследовательское судно «Академик Курчатов»,
Атлантический океан*

Пётр Третий

Немецкий принц, доставленный в Россию,
Где груб народ, напитки и закуски,
В солдатики играл, читал Расина,
И не учился говорить по-русски.
Всё делавший без толку и некстати,
Казался слабоумным он и хилым.
В своём дворце убогом в Петерштадте,
В алькове под тяжёлым балдахином,
Он пробуждался, страхами измучен,
И слушал, как часы негромко били,
И озирался на окно, где тучи
На родину неторопливо плыли.
Холодный ветер приносил с востока
Рассветных красок розовые перья.
Вздыхая о Германии далёкой,
Дежурный офицер дремал за дверью.
Болезненный, худой, одутловатый,
Под барабаны, что играли зорю,
Принц одевался, плечики из ваты
Топорщились на набивном камзоле.
И в зеркало балтийской светлой ночью
Смотрелся над шандалом трехсвечевым.
Мечтал ли он, голштинец худосочный,
Об облике ужасном Пугачёва?

1977

Родина

Забытые ударят годы,
Как одноклассник по плечу.
Воспитанник сырой погоды,
Я о другой не хлопочу.
Закутанный в дожди и холод
Фасад петровского дворца
Стал для меня ещё со школы
Привычным, как лицо отца.
Над городом, войной разбитым,
Светлело небо по ночам.
Он был мне каждодневным бытом,
И я его не замечал.
Атланты, каменные братья,
И кони чёрного литья –
Без них не мог существовать я,
Как без еды или питья
Не существуют. Мне казалось,
Что всадник с поднятой рукой,
Музеев чопорные залы,
Мост, разведённый над рекой,
И шпиль, мерцающий за шторой –
Домашней обстановки часть, –
Простые вещи, без которых
Прожить немислимо и час.

1977

Батюшков

Не пошли, Господь, грозу мне
Тридцать лет прожить в тоске,
Словно Батюшков безумный,
Поселившийся в Москве.
Объявлять при всём народе,
Не страшась уже, как встарь,
Что убийца Нессельроде,
Что преступник – государь.
Стать обидчивым, как дети,
Принимать под ветхий кров
Итальянский синий ветер,
Лёд Аландских островов.
Тридцать лет не знать ни строчки,
Позабыть про календарь,
И кричать в одной сорочке:
«Я и сам на Пинде царь!»
И сидеть часами тихо,
Подойти боясь к окну,
И скончаться вдруг от тифа,
Как в Гражданскую войну.

1977

Два Гоголя

Два Гоголя соседствуют в Москве.
Один над облаками дымной гари
Стоит победоносно на бульваре,
И план романов новых в голове.
Другой неподалёку за углом,
Набросив шаль старушечью на плечи,
Сутулится, душою искалечен,
Больною птицей прячась под крылом.
Переселён он с площади за дом,
Где в тяжких муках уходил от мира,
И гость столицы, пробегая мимо,
Его заметит, видимо, с трудом.
Два Гоголя соседствуют в Москве,
Похожи и как будто не похожи.
От одного – мороз дерёт по коже,
Другой – сияет бронзой в синеве.
Толпой народ выходит из кино,
А эти две несхожие скульптуры –
Два облика одной литературы,
Которым вместе слиться не дано.

1977

Пасынки России

...Глаз разрез восточный узкий,
Тонкий локон на виске.
Хан Темир, посланник русский,
Переводит Монтескьё.
От полей вдали ледовых
Обласкал его Людовик,
Но, читая Монтескьё,
Он вздыхает о Москве.

...Громко всхрапывают кони,
Дым костра и звон оков.
Жизнь и честь свою полковник
Отдаёт за мужиков.
Что ему до их лишений?
На его немецкой шее,
Любопытных веселя,
Пляшет русская петля.

...Зодчий Карл Иваныч Росси,
И художник Левитан,
Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян?
Кто вы, пасынки России,
Неродные имена,
Что и кровь свою, и силы

Отдавали ей сполна?
Тюрки, немцы или греки?
Из каких вы родом стран?

Имена теряют реки,
Образуя океан.

1977

Матюшкин

Вольховский, первый ученик,
Князь Горчаков и гений Пушкин...
Всех дальновиднее из них
Был мореплаватель Матюшкин,
Что, поручив себя волнам,
Сумел познать все страны света,
И жаль, что он известен нам
Лишь как лицейский друг поэта.
Не дал он (не его вина)
Законов мудрых для державы,
За стол багряного сукна
Не приглашал его Державин,
Но вне покинутой земли
Такие видел он пейзажи,
Каких представить не могли
Ни Горчаков, ни Пушкин даже.
Жил долго этот человек
И много видел, слава Богу,
Поскольку в свой жестокий век
Всему он предпочёл дорогу.
И, к новым нас зовя местам,
От всех сомнений панацея,
Зелёный бронзовый секстан
Пылится в комнатах Лицея.

1977

Старый Пушкин

И Пушкин, возможно, состарившись, стал бы таким,
Как Тютчев и Вяземский, или приятель Языков.
Всплывала бы к небу поэм величавых музыка,
Как царских салютов торжественный медленный дым.
И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней
О славе державы, о тени великой Петровой, –
Наставник наследника, гордость народа и трона,
В короне российской один из ценнейших камней.
Спокойно и мудро он жил бы, не зная тревог.
Настал бы конец многолетней и горькой опале.
И люди при встрече шептали бы имя его,
И, кланяясь в пояс, поспешно бы шапки снимали,
Когда, оставляя карету свою у крыльца,
По роскоши выезда первым сановникам равен,
Ступал он степенно под светлые своды дворца,
С ключом камергера, мерцая звездой, как Державин.
Царём и придворными был бы обласкан поэт.
Его вольнодумство с годами бы тихо угасло.
Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет,
Как пламя лампы, в которой кончается масло.
А мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой,
Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада,
А старого Пушкина с грузной седой головой
Представить не можем; да этого нам и не надо.

1978

Могила декабристов

Над ними нет ни камня, ни креста,
Могила их – весь остров Декабристов,
Где новую сооружают пристань,
Преображая топкие места.
А за моим окном который год
Горит прожектор возле обелиска.
Там далеко от снов моих и близко
Их облик неопознанный живёт.
То меркнет он, то светится опять.
Запомнятся мне, видимо, до смерти
Чугун решётки, шпаги рукоять
И цепи на гранитном постаменте.
И где б теперь я ни был, всё равно
В потустороннем сумеречном дыме
Я вижу заснежённое окно
И церковь, вознесённую над ними,
Где в синеве заоблачных высот
Сияет шпиль, хлопочут птичьи стаи
И ангел крест над городом несёт,
Не ведая, куда его поставить.

1978

Кюхельбекер

Когда б я вздумал сеять хлеб
И поучать других при этом,
Я был бы, видимо, нелеп,
Как Кюхельбекер с пистолетом.
Ах, эти ночи над Невой
И к рифме сладкое влечение,
Азарт атаки штыковой
И безысходность заточенья!
Превозмогая боль и страх,
Сырой овчиной руки грея,
В чужом тулупе, в кандалах,
Был так похож он на еврея,
Когда оброс и исхудал,
Что Пушкин в тёмном помещенье
Его при встрече не узнал
И отвернулся с отвращеньем.
Судьба сказала: «Выбирай!»
И поменял любовник пылкий
Прибалтики цветущий край
На тяготы сибирской ссылки,
Чтобы среди чужих степей,
Свой быт уподобляя плачу,
Былых оплакивать друзей
И Якубовича в придачу.
Когда, касаясь сложных тем,

Я обращаюсь к прошлым летам,
О нём я думаю, затем
Что стал он истинным поэтом.
Что, жизнь окончив на щите,
Душою по-немецки странен,
Он принял смерть – как россиянин:
В глуши, в неволе, в нищете.

1978

Веневитинов

Рождѣнный посреди созвездий
С талантом редким и умом,
Был Веневитинов с письмом
В столице схвачен по приезде.
«Как ведал жизнь! Как жил он мало!»,
Когда, бестрепетно легка,
Его на гибель обрекала
Любимой женщины рука.
Недолго длилось заключенье –
Дней пять от силы или шесть,
Но, видимо, причина есть
Тому, что впрок не шло леченье,
Что умер он от странной боли,
Которой и названья нет...
Поэт не может жить в неволе,
А кто живѣт, тот не поэт.

1978

Ах, зачем вы убили Александра Второго (песня)

Ах, зачем вы убили
Александра Второго?
Пали снежные крылья
на булыжник багровый.
В полном трауре свита
спешит к изголовью.
Кровь народа открыта
государевой кровью.

Ненавистники знати,
вы хотели того ли?
Не сумели понять вы
народа и Воли.
Он в подобной заботе
нуждался едва ли, –
Вас и на эшафоте
мужики проклинали.

Бросьте браунинг ржавый,
было б знать до поры вам:
Не разрушить державы

неожиданным взрывом.
Может снег этот сонный
лишь медленно таять.
Не спешите же, Соня,
метальщиков ставить.

Как пошло, так и вышло:
неустройства и войны,
Пулемётные вышки
и крики конвойных,
Туча чёрная пыли
над колонной суровой...
Ах, зачем вы убили
Александра Второго?

1978

Ахматова

Разжигать по утрам керосинки мерцающий свет,
Жить на горькой Земле равнодушно, спокойно и долго
И всегда обращаться к тому лишь, кого уже нет,
С царскосельской дорожки, из Фонтанного мёртвого
дома.

Пить без сахара чай, слушать шум заоконной листвы
В коммунальных квартирах, где свары кухонные грубы,
И смотреть на живущих – как будто поверх головы,
Обращаясь к ушедшим, целуя холодные губы.
Взгляды в спину косые, по-нищенски скудный обед.
Непрозрачная бездна гудит за дверною цепочкой.
И берёт бандероль, и письма не приносит в ответ
Чернокрылого ангела странная авиапочта.

1978

Города

Великие когда-то города
Не вспоминают о своём величье.
Владимиру не воротить обличья,
Которое разрушила орда.
Ростов Великий вовсе не велик —
Собор да полустёршиеся плиты.
И Новгород, когда-то знаменитый,
Совсем не тот, что знали мы из книг.
Не сетует на Зевса Херсонес,
В чужом краю покинутый ребёнок,
И Самарканд, песками погребённый,
Давно уже не чудо из чудес.
Великие когда-то города
Не помышляют об ушедшей славе.
Молчат колокола в Переяславле,
Над Суздалем восходит лебеда.
Они меж новых городов и сёл —
Как наши одноклассники, — ребята,
Что были в школе первыми когда-то,
А жизнь у них не вышла. Вот и всё.

Художник Куянцев

В убогом быту коммунальной квартиры,
В своей однокомнатной секции-клетке
Художник Куянцев рисует картины, –
Они на стене – словно птицы на ветке.

Художник Куянцев, он был капитаном,
И море – его постоянная тема.
Две вещи он может писать неустанно:
Простор океана и женское тело.

Лицо его сухо. Рассказы бесстрастны:
Тонул, подрывался, бывал под арестом.
Он твёрдо усвоил различие в красках
Меж нордом и зюйдом, меж остом и вестом.

Упрятаны в папки его акварели,
Полны необъятного солнца и ветра,
И я закрываю глаза – неужели
Бывает вода столь различного цвета?

Но в праздничность красок вплетается горе,
Поскольку представить художнику трудно
Цветущие склоны без форта и море
Без хищной окраски военного судна.

И снова этюдник берёт он, тоскуя,
И смотрит задумчиво или сердито
В окно на дома и полоску морскую,
Откуда однажды пришла Афродита.

1979

«Стою, куда глаза не зная деть...»

Стою, куда глаза не зная деть,
И думаю, потупясь виновато,
Что к городу, любимому когда-то,
Как к женщине, возможно охладеть.
И полюбить какой-нибудь другой,
А после третий – было бы желанье.
Но что поделать мне с воспоминаньем
Об утреннем асфальте под ногой?
Мне в доме старом нынче – не житьё.
Сюда надолго не приеду вновь я.
Но что поделать с первою любовью,
С пожизненным проклятием её?
Обратно позовёт, и всё отдашь,
И улыбнешься горестно и просто,
Чтобы опять смотреть с Тучкова моста
На алый остывающий витраж.
Горит полнеба в медленном дыму,
Как в дни, когда спешил на полюс «Красин»,
И снова мир печален и прекрасен, –
Как прожил без него я, не пойму.

Самозванец

Два пальца, вознесённых для креста,
Топор и кнут. В огне не сыщешь броду.
О, самозванство – странная мечта,
Приснившаяся некогда народу!
Отыскивая этому причину,
Я вижу вновь недолгую личину,
Народную беду и торжество,
Лжедмитрия бесславную кончину
И новое рождение его.
Что проку пеплом пушку заряжать,
Кричать с амвона, чуя смертный запах?
Сегодня ты им выстрелишь на запад –
Назавтра он воротится опять.
Под Тушино хмельную двинет рать,
Объявится с Болотниковым в Туле,
Чугунным кляпом в орудийном дуле
Застрянет, чтобы снова угрожать.
Не красоваться у Москвы-реки
Боярским, соболями крытым шубам,
К палатам опустевшим мужики
Идут толпой с «невежеством и шумом».
И за верёвку дёргает звонарь.
И вызревает вновь нарыв на теле.
Дрожи, Москва, – грядёт мужицкий царь!
Ликуй, Москва, – он царь на самом деле!

Его казнят, и захлебнётся медь,
Но будут вновь по деревням мужчины
Младенцам песни дедовские петь
При свете догорающей лучины
И, на душу чужих не взяв грехов,
Всё выносить – и барщину, и плети,
Чтоб о Петре неубиенном Третьем
Шептались вновь до первых петухов.

1979

Ностальгия

Белой ночи колодец бездонный
И Васильевский в красном дыму.
Ностальгия – тоска не по дому,
А тоска по себе самому.
Этой странной болезнью встревожен,
Сквозь кордоны границ и таможен
Не спеши к разведённым мостам:
Век твой юный единожды прожит,
Не поможет тебе, не поможет
Возвращение к прежним местам.
На столе институтские снимки,
Где Исаакий в оранжевой дымке
И канала цветное стекло.
Не откроются эти скрижали.
Мы недавно сюда приезжали,
После выпили, – не помогло.
Этот контур, знакомый и чёткий,
Эти мальчики возле решётки,
Неподвижная эта вода.
Никогда не стоять тебе с ними,
Не вернуться на старенький снимок
Никогда, никогда, никогда.

Гвардейский вальсок

(песня)

Задушили Петра,
Задушили по делу.
Не с того ли с утра
Так листва поредела?
Всюду крики «Ура!» –
И опущен шлагбаум.
Пыль уносят ветра
На Ораниенбаум.

От Фелицы, увы,
Мало нам перепало, –
Воспитайте же вы
Цесаревича Павла.
Сколько всё это раз
Пересказано за ночь!
Вся надежда на вас,
Граф Никита Иванович.

Произволу конец, –
Мост опустит охрана,
Мы войдём во дворец
И прикончим тирана.
Пусть, бедою грозя,

Нам вещает Кассандра, –
За свободу, друзья,
За царя Александра!

Лейб-гусар удалой,
Испытаем судьбину:
Николая долой,
И виват Константину!
...На булыжниках кровь,
Алый туз на одежде.
На наследников вновь
Пребываем в надежде.

1980

Памяти Владимира Высоцкого

1

Погиб поэт. Так умирает Гамлет,
Опробованный ядом и клинком.
Погиб поэт, а мы вот живы, – нам ли
Судить о нём как встарь – обиняком?
Его словами мелкими не троньте, –
Что ваши сплетни суетные все!
Судьба поэта – умирать на фронте,
Вздыхая о нейтральной полосе.
Где нынче вы, его единоверцы,
Любимые и верные друзья?
Погиб поэт, не выдержало сердце, –
Ему и было выдержать нельзя.
Толкуют громко плуты и невежды
Над лопнувшей гитарною струной.
Погиб поэт, и нет уже надежды,
Что это просто слух очередной.
Теперь от популярности дурацкой
Ушёл он за иные рубежи:
Тревожным сном он спит в могиле братской,
Где русская поэзия лежит.
Своей былинной не растратив силы,

Умолк певец, набравши в рот воды,
И голос потерявшая Россия
Не замечает собственной беды.
А на дворе – осенние капли,
И наших судеб тлеющая нить.
Но сколько песен все бы мы ни пели,
Его нам одного – не заменить.

2

(песня)

На Ваганьковом горят сухие листья.
Купола блестят на солнце – больно глазу.
Приходи сюда и молча помолись ты,
Даже если не молился ты ни разу.

Облаков плывёт небесная отара
Над сторожкой милицейскою унылой,
И застыла одинокая гитара,
Как собака над хозяйскою могилой.

Ветви чёрные раскачивают ветры
Над прозрачной неподвижною водою,
И ушедшие безвременно поэты
Улыбаются улыбкой молодою.

Их земля теперь связала воедино,
Опоила их, как водкою, дурманом.
Запах вянущих цветов и запах дыма –
Всё проходит в этом мире безымянном.

На Ваганьковом горят сухие листья.
За стеной звенит трамвай из дальней дали.
Приходи сюда и молча помолись ты –
Это осень наступает не твоя ли?

1980

Песни к спектаклю по повести Юрия Давыдова «На скаковом поле, около бойни...»

1. Если иначе нельзя (Первая песня Дмитрия Лизогуба)

Если иначе нельзя
И грядут неизбежные битвы,
Дав путеводную нить
И врагов беспощадно разя,
Боже, не дай мне убить –
Избери меня прежде убитым,
Если иначе нельзя,
Если иначе нельзя.

Боже всевидящий мой,
Ты нам шлёшь испытания плоти.
Пусть же к вершинам твоим
Приведёт нас крутая стезя,
Чтобы пророк над толпой
Возвышался бы на эшафоте,
Если иначе нельзя,
Если иначе нельзя.

Если иначе нельзя
Слышать птиц несмолкающий гомон,
Видеть, как чайка летит,
На крыле неподвижном скользя,
Пусть возражают друзья –
Не отдай эту чашу другому,
Если иначе нельзя.
Если иначе нельзя...

1980

2. Губернаторская власть (Третья песня Дмитрия Лизогуба)

Выделяться не старайся из черни,
Усмирай свою гордыню и плоть:
Ты живёшь среди российских губерний, –
Хуже места не придумал господь.
Бесполезно возражать государству,
Понапрасну тратить ум свой и дар свой,
Государю и властям благодарствуй, –
Обкорнают тебе крылья, сокол.
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской, –
До царя далеко, до Бога высоко.

Ах, наивные твои убеждения! –
Им в базарный день полушка – цена.
Бесполезно призывать к пробуждению
Не желающих очнуться от сна.
Не отыщешь от недуга лекарства,
Хоть христосуйся со всеми на Пасху,
Не проймёшь народ ни лаской, ни таской,
Вековечный не порушишь закон:
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской, –
До царя далеко, до Бога высоко.

Заливай тоску вином, Ваша милость.
Молодую жизнь губить не спеши:
Если где-то и искать справедливость,
То уж точно, что не в этой глуши.
Нелегко расстаться с жизнью барской,
Со богатством да родительской лаской.
Воздадут тебе за нрав твой бунтарский –
Дом построят без дверей и окон.
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской,
Губернаторская власть хуже царской, –
До царя далеко, до Бога высоко.

Пушкин и декабристы

Слух обо мне...
А. С. Пушкин

В Завод Петровский пятого числа
Глухая весть о Пушкине пришла.
Дыханье горна судорожно билось,
Ночная вьюга пела и клубилась,
Три каторжника сели у огня,
Чугунными браслетами звеня.
Дымились, просыхая, полушубки,
Сырые не раскуривались трубки.
За низким зарешеченным окном
Стонали ели от метели лютой,
И очень долго, более минуты,
Никто не заговаривал о нём.
«Ещё одно на нас свалилось горе, —
Сказал Волконский, общим думам вторя, —
Несчастный, мы могли ему помочь.
Хотя он не был даже арестован,
Его казнили в качестве шестого,
Как пятерых на кронверке в ту ночь.
Когда б стоял на площади он с нами,
Он стал бы наше истинное знамя
И, много лет отечеству служив,
Пусть в кандалах, но всё же был бы жив.

Когда бы принят был он в наше братство,
Открыто посягнувшее на рабство,
То, обрета свободу для души
И черпая в страданиях вдохновенье,
Он мог бы создавать свои творенья,
Как Кюхельбекер – в ссылке и глуши».
«Нет, – произнёс угрюмо Горбачевский, –
Уж если строго говорить по чести,
Не по пути всегда нам было с ним:
Его поступки и дурные связи!
Всё погубить в одной случайной фразе
Он мог бы легкомыслием своим.
Что нам поэты, что их дар Господень,
Когда заходит дело о свободе
И пушечный не умолкает гул,
Когда не уступает сила силе,
И миг решает судьбы всей России!»
(«И Польши», – он подумал и вздохнул.)
Так говорил, своею дерзкой речью
Заслуженному воину перечая,
Хотя и был он не в больших чинах,
Неистовый питомец Тульчина.
Кругом в бесчинстве бушевали пурги:
В Чите, Нерчинске, Екатеринбурге,
Сшивая саван общих похорон.
В Святых Горах над свежеею могилой
Звал колокол к заутрене унылой,
И странен был пустынный этот звон.
И молвил Пущин: «Все мы в воле Божьей.

Певец в темнице песен петь не может.
Он вольным жил и умер как поэт.
От собственной судьбы дороги нет».
Мела позёмка по округе дикой.
Не слышал стражник собственного крика.
Ни голоса, ни дыма, ни саней,
Ни звёздочки, ни ангельского лика.
Мела метель по всей Руси великой,
И горький слух как странник брёл за ней.

1981

Дорога

(песня)

*К спектаклю по роману Чингиза Айтматова «И
дольше века длится день...»*

Небеса ли виной или местная власть, –
От какой, непонятно, причины,
Мы – куда бы ни шли – нам туда не попасть
Ни при жизни, ни после кончины.
Для чего ты пришёл в этот мир, человек,
Если горек твой хлеб и недолог твой век
Между дел ежедневных и тягот?
Бесконечна колючками крытая степь,
Пересечь её всю никому не успеть
Ни за день, ни за месяц, ни за год.

Горстку пыли оставят сухие поля
На подошвах, от странствий истёртых.
Отчего нас, скажите, родная земля
Ни живых не приемлет, ни мёртвых?
Ведь Земля остаётся всё той же Землёй,
Станут звёзды, сгорев, на рассвете золой, –
Только дыма останется запах.
Неизменно составы идут на восток,
И верблюда качает горячий песок,

И вращается небо на запад.

И куда мы свои ни направим шаги,
И о чём ни заводим беседу, —
Всюду коршун над нами снижает круги
И лисица крадётся по следу.
Для чего ты пришёл в этот мир, человек,
Если горек твой хлеб и недолог твой век,
И дано тебе сделать немного?
Что ты нажил своим непосильным трудом?
Ненадёжен твой мир и непрочен твой дом —
Всё дорога, дорога, дорога!

1981

Ленинградская

(песня)

Мне трудно, вернувшись назад,
С твоим населением слиться,
Отчизна моя, Ленинград,
Российских провинций столица.
Как серы твои этажи,
Как света на улицах мало!
Подобна цветенью канала
Твоя нетекучая жизнь.

На Невском реклама кино,
А в Зимнем по-прежнему Винчи.
Но пылью закрыто окно
В Европу, ненужную нынче.
Десятки различных примет
Приносят тревожные вести:
Дворцы и каналы на месте,
А прежнего города нет.

Но в плеске твоих мостовых
Милы мне и слякоть, и темень,
Пока на гранитах твоих
Любимые чудятся тени
И тянется хрупкая нить

Вдоль времени зыбких обочин,
И теплятся белые ночи,
Которые не погасить.

И в рюмочной на Моховой
Среди алкашей утомлённых
Мы выпьем за дым над Невой
Из стопок простых и гранёных –
За шпилей твоих окоем,
За облик немеркнувший прошлый,
За то, что покуда живёшь ты,
И мы как-нибудь проживём.

1981

Шотландская песенка

(песня)

*К радиоспектаклю по роману Жюль Верна
«Дети капитана Гранта»*

Пока в печи горят дрова
И робок свет дневной,
И мёрзнет жёлтая трава
Под снежной пеленой,
Пока в печи горят дрова, –
Собравшись за столом,
Раскурим трубки, но сперва
Мы друга помянем.

Плывёт он в этот час ночной
Неведомо куда,
Над непрозрачной глубиной
Ведёт его звезда.
Пока в печи горят дрова
И ждёт его жена,
Пусть будет нынче голова
И цель его ясна.

Пусть над холодной зыбью вод,
Где женщин рядом нет,

Его от стужи сбережёт
Шотландский пёстрый плед.
Пусть в этот день и в этот час
Среди ночных дорог
Его согреет, как и нас,
Шотландский тёплый грог.

Там ветры злобные свистят
И пенная вода,
И льда повисла на снастях
Седая борода.
Пока в печи горят дрова,
Собравшись за столом,
Про всех мы вспомним, но сперва
Подумаем о нём.

Пока свирепствует норд-ост
И стынет бересклет,
Провозгласим свой первый тост
За тех, кого здесь нет.
За тех, кого в чужих морях,
От милых мест вдали,
Вселяя в сердце боль и страх,
Качают корабли.

Пусть сократится долгий срок,
Что им разлукой дан.
Пусть возвратит на свой порог
Их грозный океан.

Пока в печи горят дрова
И вьюга за окном,
Запъём заздравные слова
Мерцающим вином.

1982

Рембрандт

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и вечер стучат о порог.
«Возвращение блудного сына»
Пишет Рембрандт. Кончается срок.
Сын стоит на коленях, калека,
Измождённых не чувствуя ног,
Голова – как у бритого зэка, –
Ты откуда вернулся, сынок?
Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади – бараки?
Непролазные дебри тайги?
Кто глаза твои сделал пустыми, –
Развратители или война?
Или зной Иудейской пустыни
Всё лицо твоё сжёг дочерна?
Не слышны приглушённые звуки.
На холсте и в округе темно, –
Лишь отца освещённые руки
Да лица световое пятно.
Не вернуться. Живём по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома –
Как сожжение корабля.
Запустение, тьма, паутина,

Шорох капель и чаячий крик,
И предсмертную пишет картину
Одинокий и скорбный старик.

1982

В батискафе

За зелёным стеклом батискафа,
От высокого солнца вдали,
Проплывают огромные скалы
На подводных просторах Земли.

И в луче напряжённого света
Я взираю, прижавшись к стеклу,
На обширную эту планету,
Погружённую в холод и мглу.

Там на фоне клубящейся хмари
Нас локатором отыскав,
Молча смотрят подводные твари
На светящийся батискаф.

Смотрят рыбы большими глазами,
Что приучены к жизни ночной.
Так смотрели бы, верно, мы сами
На посланцев планеты иной.

Хорошо, если души могли бы,
Нас покинув в назначенный час,
Воплотиться в подобие рыбы
С фонарями светящихся глаз;

Чтобы плавать им вместе со всеми
В этой горько-солёной среде,
Где не властно всеильное время
В недоступной теченью воде.

1982

Около площади

(песня)

К спектаклю по пьесе Бориса Голлера «Вокруг площади»

Ветер неласковый, время ненастное,
хмурь ленинградская.
Площадь Сенатская, площадь Сенатская,
площадь Сенатская.
Цокали, цокали, цокали, цокали,
цокали лошади
Около, около, около, около,
около площади.

Мысли горячие, мысли отважные,
мысли преступные.
Вот она – рядом, доступная каждому
и – недоступная.
Днями-неделями выйти не смели мы, –
время нас не щадит.
Вот и остались мы, вот и состарились
около площади.

Так и проходят меж пьяной беседою,
домом и службою

Судьбы пропавшие, песни неспетые,
жизни ненужные...

Цокали, цокали, цокали, цокали,
цокали лошади

Около, около, около, около,
около площади.

1982

Питер Брейгель Младший. «Шествие на Голгофу»

О чём он думал, Питер Брейгель,
Какими образами бредил,
Когда изобразил Христа
На фоне северной равнины,
Сгибающим худую спину
Под перекладиной креста?
Фламандские вокруг пейзажи, —
Взгляните на одежды стражи,
На эти мельницы вдали!
Ещё один виток дороги,
И он, взойдя на холм пологий,
Увидит в море корабли.
Ещё не бог он. На мольберте
Он человек ещё, и смертен,
И явно выглядит чужим
В долине этой, в этом веке,
Где стужа сковывает реки
И над домами вьётся дым.
Светало. Около отлива
Кричала чайка хлопотливо.
Тяжёлый дождь стучал в окно.
О чём он думал, Младший Питер,
Когда лицо устало вытер,

Закончив это полотно?
О чём он думал, старый мастер?
В ночном порту скрипели снасти,
Холодный ветер гнал волну.
Об одиночестве пророка,
Явившегося позже срока,
Попавшего не в ту страну?
Толпа в предчувствии потехи.
Мерцают золотом доспехи,
Ладони тянет нищета.
Окрестность – в ожиданье снега,
И туча провисает с неба,
И над Голгофой – пустота.

1982

Николай Гумилёв

От неправедных гонений
Уберечь не может слово.
Вам помочь не в силах небо,
Провозвестники культуры.
Восемь книг стихотворений
Николая Гумилёва
Не спасли его от гнева
Пролетарской диктатуры.
Полушёпот этой темы,
Полуправда этой драмы,
Где во мраке светят слабо
Жизни порванные звенья –
И застенок на Шпалерной,
И легенда с телеграммой,
И прижизненная слава,
И посмертное забвенье.
Конвоир не знает сонный
Государственных секретов, –
В чём была, да и была ли
Казни грозная причина.
Революция способна
Убивать своих поэтов,
И поэтому едва ли
От погрома отличима.
Царскосельские уроки

Знаменитейшего мэтра,
Абиссинские пустыни
И окопы на Германской...
И твердят мальчишки строки,
Что солёным пахнут ветром,
И туманный облик стынет
За лица бесстрастной маской.
И летят сквозь наше время
Горькой памятью былого,
Для изданий неуместны,
Не предмет для кандидатских,
Восемь книг стихотворений
Николая Гумилёва,
И как две отдельных песни –
Два «География» солдатских.

1982

Иван Пущин и Матвей Муравьёв

(песня)

За окнами темно,
Закрыты ставни на ночь.
Ущербная луна
Струит холодный свет.
Раскупорим вино,
Мой друг Иван Иванович,
Вспомним имена
Иных, которых нет.

Сырые рудники
Хребты нам не согнули.
И барабанный бой
Над нашею судьбой.
Острогам вопреки,
Штрафной чеченской пуле,
Мы выжили с тобой,
Мы выжили с тобой.

Кругом колючий снег,
Пустыня без предела.
За праздничным столом
Остались мы вдвоём.
Идёт на убыль век,

И никому нет дела,
Что мы ещё живём,
Что мы ещё живём,

Свечей ложится медь
На белые затылки.
Страшной стальных цепей
Забвения печать.
Лишь прятать нам под клеть
С записками бутылки
Да грамоте детей
Сибирских обучать.

Не ставит ни во что
Нас грозное начальство,
Уверено вполне,
Что завтра мы умрём.
Так выпьем же за то,
Чтоб календарь кончался
Четырнадцатым не —
забвенным декабрём!

1983

Деятнадцатый век

Век девятнадцатый притягивает нас –
Сегодняшнего давнее начало!
Его огонь далёкий не погас,
Мелодия его не отзвучала.

Забытый век, где синий воздух чист,
Где стук копыт и дребезжанье дрожек,
И кружится неторопливый лист
Над гравием ухоженных дорожек!

А между тем, то был жестокий век
Кровавых войн и сумрачных метелей.
Мы вряд ли бы вернуться захотели
К лучине и скрипению телег.

Минувшее. Не так ли древний грек,
О прошлом сожалея бесполезно,
Бранил с тоскою бронзовый свой век,
Ещё не помышляя о железном.

Иосиф Флавий

Натану Эйдельману

В бесславье или славе
Среди чужих людей
Живёт Иосиф Флавий,
Пленённый иудей?
Глаза его печальны,
И волосы – как медь.
Он был военачальник,
Но медлил умереть.
Рать воинов суровых
Ушла навеки в ночь,
Всесильный Иегова
Не в силах ей помочь.
Ему лишь для мученья
Недоставало сил, –
Ценою отречения
Он жизнь свою купил.
Живёт Иосиф в Риме,
И римлянам претит,
Что ласковей, чем с ними,
Беседует с ним Тит.
Не знает Цезарь тучный,
За ум его ценя,
Что ввёз он в Рим могучий

Троянского коня.
Твердят про иудея,
Что «Флавий» наречён,
Что он пером владеет
Искусней, чем мечом.
Невольник этот дерзкий
Латынь уже постиг
Сильней, чем иудейский
Свой варварский язык.
У римского причала
Ступив на жёсткий склон,
Диаспоре начало
Положит первым он.
Прилипчив по натуре,
Приникнет он, изгой,
К чужой литературе,
К истории чужой.
Живёт он не затем ли,
Чтоб, уцелев в бою,
Врасти в чужую землю
Надёжней, чем в свою?

Дух времени

Кто за грядущее в ответе,
Монгол, усатый ли грузин?
Дух времени не есть ли ветер,
Как утверждает Карамзин?
Орошено какою тучей,
Из чьих краёв принесено,
Взошло на почве нашей тучной
Холопства горькое зерно?
Страшнее нет господней кары,
Не отмолить её в ночах,
Опричнина или татары
В нас воспитали этот страх?
Стране, где рабство выше нормы
Укоренилось за года,
Вредны внезапные реформы,
Как голодающим еда.
Земля в вечернем освещенье,
И понимается не вдруг,
Что не способно просвещение
Сей тяжкий вылечить недуг.
Откуда брать исток надежде,
Где корень нынешних потерь?
Как мы вперёд смотрели прежде,
Так смотрим в прошлое теперь!

Мифы Древней Греции

Я перечитываю Куна
Весенней школьною порой.
Мне так понятен этот юный
Неунывающий герой,
За миловидной Андромахой
Плывущий к дальним берегам –
Легко судьбу свою без страха
Вручить всеведущим богам!

Я перечитываю Куна.
Июль безоблачный высок,
И ветер, взбадривая шхуны,
Листает воду и песок.
Сбежим вослед за Одиссеем
От неурядиц и семьи!
В далёких странствиях рассеем
Земные горести свои!

Я перечитываю Куна.
В квартире пусто и темно.
Фонарный свет струится скудно
Через закрытое окно.
Ужасна смерть царя Эдипа,
Язона горестен финал.
Как этот мир устроен дико!

Как век наш суетен и мал!

Когда листва плывёт по рекам,
У осени на рубеже,
Читайте мифы древних греков. –
Там всё написано уже.
Судьба души твоей и тела –
Лишь повторённое кино,
Лишь вариация на тему,
Уже известную давно.

1983

Для чего тебе нужно

(песня)

Для чего тебе нужно в любовь настоящую верить?
Всё равно на судах не узнаешь о ней ничего.
Для чего вспоминать про далёкий покинутый берег,
Если ты собираешься снова покинуть его?
Бесполезно борта эти суриком красить-стараться, –
Всё равно в океане они проржавеют насквозь.
Бесполезно просить эту женщину ждать и дождаться,
Если с нею прожить суждено тебе всё-таки врозь.

Для чего тебе город, который увиден впервые,
Если мимо него в океане проходит твой путь?
Как назад и вперёд ни крутите часы судовые,
Уходящей минуты обратно уже не вернуть.
Все мы смотрим вперёд, – нам назад посмотреть не пора
ли,
Где горит за кормой над водою пустынной заря?
Ах, как мы легкомысленно в юности путь свой избрали,
Соблазнившись на ленточки эти и на якоря!

Снова чайка кричит и кружится в багровом тумане.
Снова судно идёт, за собой не оставив следа.
А земля вечерами мелькает на киноэкране, –
Нам уже наяву не увидеть её никогда.

Для чего тебе нужно по свету скитаться без толка? –
Океан одинаков повсюду – вода и вода.
Для чего тебе дом, где кораллы пылятся на полках,
Если в доме безлюдном хозяина нет никогда?

*1983, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Атлантический океан*

Родословная

И мы когда-то были рыбы
И населяли тонкий слой
В расселинах горячей глыбы,
Что именуется Землёй.
И нас питала эта влага,
Вскипающая под винтом,
Лишь постепенно, шаг за шагом,
На сушу вышли мы потом.
Об этом помню постоянно
Над крутизной морских глубин.
Милее мне, чем обезьяна,
Сообразительный дельфин.
И я, не знаю, как другие,
Испытываю близ морей
Подобье странной ностальгии
По давней родине моей.
Когда циклон гудит за шторой,
Всмотритесь в утренний туман:
Зовёт назад, в свои просторы,
Наш прародитель Океан.
И, словно часть его здоровья,
Дарованная навсегда,
Стучится в жилах наших кровью
Его солёная вода.

Прощание с каютой

Осенний норд-ост виноградную клонит лозу.
Уходит таможня, довольная сделанным сыском.
Цементное небо клубится над Новороссийском.
Прощаюсь с каютой, земля ожидает внизу.
Прощаюсь с каютой. Домой сувениры везу.
Земная усталость в моём ошвартованном теле.
Окончены сборы. Стенные шкафы опустели.
Получены деньги. Земля ожидает внизу.
Прощаюсь с каютой. Внезапной соринкой в глазу
Царапает веки пустяшная эта утрата.
Уложены вещи. Машина чернеет у трапа.
Прощаюсь с каютой, земля ожидает внизу.
Какие пейзажи мне виделись в этом окне! —
Мосты над Килем, золотые огни Лиссабона,
Гавайские пальмы, Коломбо причальные боны,
Снега Антарктиды в негаснущем жёлтом огне.
Прощаюсь с каютой, где помню я штиль и грозу,
Мужские беседы и шёпот опасливый женский,
Где ждал телеграммы и мучился скорбью вселенской.
Уходят минуты, земля ожидает внизу.
Прощаюсь с каютой. Лежалый сухарик грызу.
Закон о питьё напоследок ещё раз нарушу.
Я вещи собрал, но свою оставляю здесь душу.
Прощаюсь с каютой, земля ожидает внизу.
Прощаюсь с каютой. Скупую стираю слезу.

Не ради валюты, не ради казённого хлеба
Поднялся и я в океана солёное небо.
Полёт завершился, земля ожидает внизу.

1984

Средиземное море

Неподвижность заката над мраморной низкой стеною,
Черепичные кровли и моря пронзительный свет.
Родились мы когда-то от общего пращура Ноя,
Мы едины по крови, друзья мои, Хам и Яфет.
Здесь нас грудью кормили, и песни забытые пели,
И как будто им вторя, вот так же качалось у ног,
В блёстках солнечной пыли, подобие тёплой купели,
Средиземное море, цветных побережий венок.
Воин бронзовый дремлет у края коринфской террасы.
Я к нему подойду, и раскроется передо мной
Курс истории древней, учебник для пятого класса,
В сорок пятом году, в Ленинграде, разбитом войной.
Изуродован в битвах триремы окованный кузов.
Этот мир обречён, он у времени на волоске,
И опять, как в забытых за тысячу лет Сиракузах,
Тень солдата с мечом заслоняет чертёж на песке.

1984

На Маяковской площади в Москве

(песня)

На Маяковской площади в Москве
Живёт моя далёкая подруга.
В её окне гнездо свивает вьюга,
Звезда горит в вечерней синеве.
Судьбы моей извилистая нить
Оборвана у этого порога.
Но сколько ни упрашивай я Бога,
Нам наши жизни не соединить.

На Маяковской площади в Москве,
Стремительностью близкая к полёту,
Спешит она утрами на работу,
Морозный снег блестит на рукаве.
Наш странный затянувшийся роман
Подобен многолетней катастрофе.
Другим по вечерам варить ей кофе,
Смотреть с другими в утренний туман.

Но в час, когда подводный аппарат
Качается у бездны на ладони,
Её печаль меня во тьме нагонит
И из пучины выведет назад.
Но в час, когда, в затылок мне дыша,

Бедá ложится тяжестью на плечи,
Меня от одиночества излечит
Её непостоянная душа.

На Маяковской площади в Москве,
За тёмною опущенною шторой
Настольной лампы свет горит, который
Мерцает мне, как путеводный свет.
Пусть седина змеится на виске,
Забудем про безрадостные были,
Пока ещё про нас не позабыли
На Маяковской площади в Москве.

1984

Улисс

Скажи, Улисс, о чём поют сирены?
Чем песня их пьянящая манит,
Когда штормит, и струи белой пены
Секут волну, как кварц сечёт гранит?
Когда над мачтой, наклонённой низко,
Несётся тучи сумеречный дым
И снова Понт становится Эвксинский
И негостеприимным, и седым?
В чём этих песен тягостная мука?
Когда гремит норд-ост, начав с низов,
Я слышу их неодолимый зов,
Подобный колебаниям инфразвука.
Не потому ль мы покидаем быт свой,
В желаниях и чувствах не вольны,
И гонит нас слепое любопытство
Навстречу пенью утренней волны?
Не потому ли, озарив окрестность,
В неведомую веру обратив,
Морочит душу этот неизвестный,
В тысячелетья канувший мотив?
Так, изогнувшись хищно и горбато,
Фарфор атоллов, акварель лагун
Крушит волна, рождённая когда-то
На противоположном берегу.
Глухая ночь. Предельный угол крена.

Куда плывём погоде вопреки?
Скажи, Улисс, о чём поют сирены?
Хотя бы смысл, хотя бы часть строки!

1984

«Причин потусторонних не ищите...»

Причин потусторонних не ищите.
Уже Сальери держит яд в горсти.
И если Рим нуждается в защите
Гусей, – его, как видно, не спасти.
Всё наперёд записано в анналы,
И лунный диск уменьшился на треть.
Но Моцарт жив, и отступают галлы,
И не сегодня Риму умереть.
Любой полёт – лишь элемент паденья.
Когда кругом обложит вас беда,
Не стоит покоряться Провиденью.
Исчезнет всё, но вот вопрос – когда?
Не надо рвать в отчаянье одежду –
Искусство в том, чтоб не терять лица.
Благословим случайность и надежду
И будем защищаться до конца!

1984

Эгейское море

(песня)

Остров Хиос, остров Самос, остров Родос, –
Я немало поскитался по волнам.
Отчего же я испытываю робость,
Прикасаясь к вашим древним именам?
Возвращая позабывшиеся годы,
От Невы моей за тридевять земель
Нас качают ваши ласковые воды –
Человечества цветная колыбель.

Пусть на суше, где призывно пахнут травы,
Ждут опасности по десять раз на дню, –
Чёрный парус, что означить должен траур,
Белым парусом на мачте заменю.
Трудно веровать в единственного бога:
Прогневится и тебя прогонит прочь,
На Олимпе же богов бессмертных много,
Кто-нибудь да согласится нам помочь.

Что нам Азия, что тесная Европа –
Мало проку в коммунальных теремах.
Успокоится с другими Пенелопа,
Позабудет про папашу Телемах.
И плывём мы, беззаботны как герои,

Не жалеющие в жизни ничего,
Мимо Сциллы и Харибды, мимо Трои, –
Мимо детства моего и твоего.

1984, научно-исследовательское судно «Витязь»

Индийский океан

(песня)

Тучи светлый листок у луны на мерцающем диске.
Вдоль по лунной дорожке неспешно кораблик плывёт.
Мы плывём на восток голубым океаном Индийским
Вдоль тропических бархатных благословенных широт.
Пусть, напомнив про дом, догоняют меня телеграммы,
Пусть за дальним столом обо мне вспоминают друзья, —
Если в доме моём разыграется новая драма,
В этой драме, наверно, не буду участвовать я.

Луч локатора сонный кружится на тёмном экране.
От тебя в стороне и от собственной жизни вдали
Я плыву, невесомый, в Индийском ночном океане,
Навсегда оторвавшись от скованной стужей земли.
Завтра в сумраке алом поднимется солнце на осте,
До тебя донося обо мне запоздалую весть.
Здесь жемчужин — навалом, как в песне Индийского
гостя,
И алмазов в пещерах — конечно же, тоже не счесть.

Пусть в последний мой час не гремит надо мной
канонада,
Пусть потом новосёлы моё обживают жильё,
Я живу только раз — мне бессмертия даром не надо,

Потому что бессмертие – то же, что небытие.
Жаль, подруга моя, что тебе я не сделался близким.
Слёз напрасно не трать, – позабудешь меня без труда.
Ты представь, будто я голубым океаном Индийским
Уплываю опять в никуда, в никуда, в никуда.

*1984, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Индийский океан*

Комарово

Время, на час возврати меня в молодость снова,
После вернёшь мою душу на круги свои!
Дачная местность, бетонный перрон, Комарово, –
Низкое солнце и запах нагретой хвои.
Снова сосна неподвижна над рыжею горкой,
Снова с залива, как в юности, дуют ветра.
Память, как зрение, делается дальнозоркой, –
Помню войну – и не помню, что было вчера.
Пахнет трава земляникой и детством дошкольным:
Бодрые марши, предчувствие близких утрат,
Дядька в будёновке и полушубке нагольном,
В тридцать девятом заехавший к нам в Ленинград.
Он подарил мне, из сумки коричневой вынув,
Банку трески и пахучего мыла кусок.
Всё же неплохо, что мы отобрали у финнов
Озеро это и этот прозрачный лесок.
Дачная местность, курортный район Ленинграда.
Тени скользят по песчаному чистому дну.
Кто теперь вспомнит за дымом войны и блокады
Эту неравную и небольшую войну?
Горн пионерский сигналил у бывшей границы.
Вянут венки на надгробиях поздних могил.
Что теперь делать тому, кто успел здесь родиться,
Кто стариков своих в этой земле схоронил?

Двадцать девятое ноября

С утра горит свеча в моём пустом доме
В честь матери моей печальной годовщины.
Я, где бы ни бывал, неясно почему,
Обычай этот чту – на то свои причины.
Кончается ноябрь. Нет хуже этих дней –
Тень снега и дождя летит на подоконник.
Я вспоминаю мать, я думаю о ней,
На огонёк свечи смотрю, огнепоклонник.
Он жёлт и синеват. Смотри и не дыши,
Как льёт неяркий свет в горенье беззаветном
Прозрачная модель витающей души,
Горячая струя, колеблемая ветром.
Свечою тает день. В густеющем дыму
Уходит город в ночь, как в шапке-невидимке.
Недолгая свеча горит в моём доме,
Как юное лицо на выгоревшем снимке.
Беззвучный огонёк дрожит передо мной,
Веяя припоминать полузабытый род свой
И сердце беречь унылою виной
Незнания корней и горечью сиротства.
И в комнате сидеть понуро одному,
Укрывшись от друзей, весёлых и беспечных.
До полночи свеча горит в моём доме
И застывает воск, стекая на подсвечник.

Душа

В безвременье ночном покой души глубокий –
Ни мыслей о судьбе, ни тени сновиденья.
Быть может, небеса на тёмный этот срок
Берут её к себе, как в камеру хранения.
Когда же новый день затеплится в окне
И зяблик за стеклом усядется на ветку,
Её вернут опять при пробуждении мне,
Почистив и помыв, – не перепутать метку!
Душа опять с тобой, и завтрак на столе,
А прожитая ночь – её совсем не жаль нам.
Мороз нарисовал узоры на стекле.
Безветрие, и дым восходит вертикально.
Но горько понимать, что ты летишь, как дым,
Что весь окрестный мир – подобие картинки
И всё, что ты считал с рождения своим,
Лишь взято напрокат, как лыжные ботинки.
Что сам ты – неживой – кассетник без кассет,
И грош цена твоей привязанности к дому.
Что ошибутся там, устав за много лет,
И жизнь твою возьмут, и отдадут другому.

Памяти Юрия Визбора

(песня)

Нам с годами ближе
Станут эти песни,
Каждая их строчка
Будет дорога.
Снова чьи-то лыжи
Греются у печки,
На плато полночном
Снежная пурга

Что же, неужели
Прожит век недлинный?
С этим примириться
Всё же не могу.
Как мы песни пели
В доме на Неглинной
И на летнем чистом
Волжском берегу!

Мы болезни лечим,
Мы не верим в бредни,
В суматохе буден
Тянем день за днём.
Но тому не легче,

Кто уйдёт последним, —
Ведь заплакать будет
Некому о нём.

Нас не вспомнят в избранном —
Мы писали плохо.
Нет печальней участи
Первых петухов.
Вместе с Юрой Визбором
Кончилась эпоха —
Время нашей юности,
Песен и стихов.

Нам с годами ближе
Станут эти песни,
Каждая их строчка
Будет дорога.
Снова чьи-то лыжи
Греются у печки,
На плато полночном
Снежная пурга.

1985

Герой и автор

Учебники нас приучают с детства,
Что несовместны гений и злодейство,
Но приглядитесь к пушкинским стихам:
Кто автор – Моцарт или же Сальери?
И Моцарт и Сальери – в равной мере,
А может быть, в неравной, – знать не нам.

Определить не просто нам порою
Соотношенье автора с героем, –
С самим собой возможен диалог.
И Медный Всадник скачет, и Евгений
По улице бежит, и грустный гений
Мицкевича всё видит между строк.

Из тьмы полночной возникают лица.
Изображенье зыбкое двоится.
Коптит лампада, и перо дрожит.
Кто больше прав перед судьбою хитрой –
Угрюмый царь Борис или Димитрий,
Что мнением народным дорожит?

Не просто всё в подлунном этом мире.
В нём мало знать, что дважды два – четыре,
В нём спутаны коварство и любовь.
Немного проку в вырванной цитате, –

Внимательно поэта прочитайте
И, жизнь прожив, перечитайте вновь.

1985

На даче

Натану Эйдельману

Мы снова на даче. Шиповник растёт на опушке,
Где прячутся в травах грибы, что зовутся свинушки.
Прогулки вечерние и разговор перед сном
О первенстве мира по шахматам или погоде,
Опилки в канаве, кудрявый салат в огороде
И шум электрички за настежь раскрытым окном.

Сосед мой – историк. Прижав своё чуткое ухо
К минувшей эпохе, он пишет бесстрастно и сухо
Про быт декабристов и вольную в прошлом печать.
Дрожание рельса о поезде дальнем расскажет
И может его предсказать наперёд, но нельзя же,
Под поезд попав, эту раннюю дрожь изучать!

Сосед не согласен – он ищет в минувшем ошибки,
Читает весь день и ночами стучит на машинке,
И, переместившись на пару столетий назад,
Он пишет о сложности левых влияний и правых,
О князе Щербатове, гневно бичующем нравы,
О Павле, которого свой же убил аппарат.

Уставший от фондов и дружеских частых застолий,
Из русской истории сотню он знает историй

Не только печальных, но даже порою смешных.
Кончается лето. Идёт самолёт на посадку.
Хозяйка кладёт огурцы в деревянную кадку.
Сигнал пионерский за дальнею рощей затих.

Историк упорен. Он скрытые ищет истоки
Деяний царей и народных смятений жестоких.
Мы позднюю ночью сидим за бутылкой вина.
Над домом и садом вращается звёздная сфера,
И, встав из-за леса, мерцает в тумане Венера,
Как орденский знак на портрете у Карамзина.

1985, Переделкино

Блок

*Чёрный вечер.
Белый снег...*

Александр Блок

Колодец двора и беззвездье над срубом колодца.
Окраины справа и порт замерзающий слева.
Сжигаются книги, и всё, что пока остаётся, –
Поверхность стола и кусок зачерствелого хлеба.
Не слышно за окнами звонкого шума трамваев –
Лишь выстрелов дальних упругие катятся волны.
В нетопленной комнате, горло платком закрывая,
Он пишет поэму, – в названии слышится полночь.
Не здесь ли когда-то искал свою музу Некрасов?
В соседнем подъезде гармошка пиликает пьяно,
И мир обречённый внезапно лишается красок, –
Он белый и чёрный, и нет в нём цветного тумана.
Ночной темнотой заполняются Пряжка и Невки,
Кружится метель над двухцветною этой картиной,
И ломаются в строчки похабной частушки припевки,
Как пьяный матрос, разбивающий двери гостиной.

Комаровское кладбище

На Комаровском кладбище лесном,
Где дальний гром аукается с эхом,
Спят узники июльским лёгким сном,
Тень облака скользит по барельефам.
Густая ель склоняет ветки вниз
Над молотком меж строчек золочёных.
Спят рядом два геолога учёных –
Наливкины – Димитрий и Борис.
Мне вдруг Нева привидится вдали
За окнами и краны на причале.
Когда-то братья в Горном нам читали
Курс лекций по истории Земли:
«Бесследно литосферная плита
Уходит вниз, хребты и скалы сгрудив.
Всё временно – рептилии и люди.
Что раньше них и после? – Пустота».
Переполюсь этой пустотой,
Минуя веток осторожный шорох,
Остановлюсь я молча над плитой
Владимира Ефимовича Шора.
И вспомню я, над тишиной могил
Услышав звон весеннего трамвая,
Как Шор в аудиторию входил,
Локтем протеза папку прижимая.
Он кафедрой заведовал тогда,

А я был первокурсником. Не в этом,
Однако, дело: в давние года
Он для меня был мэтром и поэтом.
Ему, преодолая лёгкий страх,
Сдавал я переводы для зачёта.
Мы говорили битый час о чем-то,
Да не о чем-то, помню – о стихах.
Везде, куда ни взглянешь невзначай,
Свидетели былых моих историй.
Вот Клещенко отважный Анатолий, –
Мы в тундре с ним заваривали чай.
Что снится Толе – шмоны в лагерях?
С Ахматовой неспешная беседа?
В недолгой жизни много он изведal, –
Лишь не изведal, что такое страх.
На поединок вызвавший судьбу,
С Камчатки, где искал он воздух чистый,
Метельной ночью, пасмурной и мгlistой,
Сюда он прибыл в цинковом гробу.
Здесь жизнь моя под каждою плитой,
И не случайна эта встреча наша.
Привет тебе, Долинина Наташа, –
Давненько мы не виделись с тобой!
То книгу вспоминаю, то статью,
То мелкие житейские детали –
У города ночного на краю
Когда-то с нею мы стихи читали.
Где прежние её ученики?
Вошла ли в них её уроков сила?

Живут ли так, как их она учила,
Неискренней эпохе вопреки?
На этом месте солнечном, лесном,
В ахматовском зелёном пантеоне,
Меж валунов, на каменистом склоне,
Я вспоминаю о себе самом.
Блестит вдали озёрная вода.
Своих питомцев окликает стая.
Ещё я жив, но «часть меня большая»
Уже перемещается сюда.
И давний вспоминается мне стих
На Комаровском кладбище зелёном:
«Что делать мне? – Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих».

1985

Тридцатые годы

Тридцатых годов неуют,
Уклад коммунальной квартиры,
И жёсткие ориентиры, –
Теперь уже так не живут.
Футболка с каймой голубой,
И вкус довоенного чая.
Шум примуса – словно прибой,
Которого не замечаешь.
В стремительном времени том,
Всем уличным ветрам открытом,
Мы были легки на подъём,
Поскольку не связаны бытом.
Мы верили в правду и труд,
Дошкольники и пионеры.
Эпоха мальчишеской веры, –
Теперь уже так не живут.
Хозяева миру всему,
Поборники общей удачи,
Мы были бедны – потому
Себе мы казались богаче.
Сожжён зажигалками дом.
Всё делится памятью поздней
На полуреальное «до»
И это реальное «после».
Война, солона и горька,

То чёрной водою, то красной
Разрезала, словно река,
Два сумрачных полупространства.
На той стороне рубежа
Просматривается всё реже
Туманное левобережье –
Подобие миража.

1985

Рим

Над Колизеем в небе дремлет
Заката праздничная медь.
Как говорил один из древних:
«Увидеть Рим – и умереть».
Припоминать ты будешь снова,
На свете сколько ни живи,
И замок Ангела Святого,
И солнечный фонтан Треви,
И храмов золотые свечи,
И женщин редкой красоты, –
Но города, который вечен,
В том Риме не увидишь ты.
Великий город, это ты ли
Последний выпускаешь вздох?
Его навеки заслонили
Строения иных эпох.
Но у руин бывшего дома,
У полустёршейся плиты
Тебе покажутся знакомы
Его забытые черты.
На Капитолии, и в парках,
И там, где дремлет акведук, –
Империя времён упадка
Везде присутствует вокруг.
Ещё идут войска по тропам,

Достойны цезари хвалы,
Ещё простёрты над Европой
Литые римские орлы,
И лишь пророками услышан
Недуг неизлечимый тот,
Который Тацит не опишет,
И современник не поймёт.

1985

Мыс Рока

Земля переходит в воду с коротким плеском.
Иосиф Бродский

У края Португалии любезной,
Где ветра атлантического вой,
Завис маяк над пенящейся бездной,
Последней суши столбик верстовой.
По склону козьи убегают тропы,
У волн прилива обрывая след.
Здесь в океан кидается Европа
«С коротким плеском» – как сказал поэт.
Тяжеловесней жидкого металла
Мерцает здесь, не молод и не стар,
Предел Земли, куда дойти мечтала
Неистовая конница татар.
Вблизи границы шума и молчанья,
Над дряхлой Европейскою плитой,
Поймёшь и ты, что вовсе не случайно
Потомков одурачивал Платон,
Что ветер, опустивший ногу в стремя
Крутой волны, и влажных чаек крик –
Суть не пространство мокрое, а время,
Что поглотит и этот материк.

Гробница Камоэнса

У края католической земли,
Под арками затейливого свода,
Спят герцоги и вице-короли,
Да Гама и Камоэнс – спят у входа.
Луч в витраже зажётся и погас.
Течение реки неумолимо.
Спит Мануэль, оставивший для нас
Неповторимый стиль мануэлино.
Король, он в крепостях своей страны
Об Индии далёкой думал страстно,
Его гробницу чёрные слоны
Несут сквозь время, как через пространство.
Рождённые для чести и войны,
Подняв гербы исчезнувшего рода,
Спят рыцари у каменной стены,
Да Гама и Камоэнс – спят у входа.
Придав убранству корабельный вид,
Сплетаются орнаменты, как тросы.
Спят под скупыми надписями плит
Торговцы, конкистадоры, матросы.
Неведомой доверившись судьбе,
Чужих морей пригубив злые вина,
Полмира отвели они себе,
Испании – другая половина.
Художников не брали в океан,

Но нет предела дерзостному глазу:
Сплетения бамбука и лиан,
Зверей и птиц, не виданных ни разу,
Они ваяли, на руку легки,
Всё в камень воплотив благоговейно,
О чём им толковали моряки
Над кружкой лисбоанского портвейна.
Встаёт и снова падает заря.
Меняются правители и мода.
Священники лежат у алтаря,
Да Гама и Камоэнс – спят у входа.
Окно полуоткрыто. Рядом с ним
Плывут суда за стенами собора.
Их бережёт святой Иероним,
Высокий покровитель Лиссабона.
Сверкает океанская вода,
Серебряные вспыхивают пятна.
И мы по ней отправимся туда,
Откуда не воротиться обратно.
Но долго, пробуждаясь по утрам
И глядя в рассветающую темень,
Я буду помнить странный этот храм
Со стеблями таинственных растений,
Где каждому по истинной цене
Места посмертно отвела природа:
Властитель и епископ – в глубине,
Поэт и мореплаватель – у входа.

«В старинном соборе играет орган...»

В старинном соборе играет орган
Среди суеты Лиссабона.
Тяжёлое солнце, садясь в океан,
Горит за стеною собора.
Романского стиля скупые черты,
Тепло уходящего лета.
О чём, чужеземец, задумался ты
В потоке вечернего света?
О чём загрузила недолгая плоть
Под каменной этой стеною, —
О счастье, которого не дал Господь?
О жизни, что вся за спиною?
Скопление чаек кружит, как пурга,
Над берега пёстрою лентой.
В пустынном соборе играет орган
На самом краю континента,
Где нищий, в лиловой таящийся мгле,
Склонился у входа убого.
Не вечно присутствие нас на Земле,
Но вечно присутствие Бога.
Звенит под ногами коричневый лист,
Зелёный и юный вчера лишь.
Я так сожалею, что я атеист, —
Уже ничего не исправишь.

1986, Лиссабон

Памяти Владимира Маяковского

Этот маузер дамский в огромной руке!
Этот выстрел, что связан с секретом,
От которого эхо гудит вдалеке,
В назидание прочим поэтам!
Отчего, агитатор, трибун и герой,
В самого себя выстрелил вдруг ты,
Так брезгливо воды избегавший сырой
И не евший немые фрукты?
Может, женщины этому были виной,
Что сожгли твою душу и тело,
Оплатившие самой высокой ценой
Неудачи своих адюльтеров?
Суть не в этом, а в том, что врагами друзья
С каждым новым становятся часом,
Что всю звонкую силу поэта нельзя
Отдавать атакующим классам.
Потому что стихи воспевают террор
В оголтелой и воющей прессе,
Потому что к штыку приравняли перо
И включили в систему репрессий.
Свой последний гражданский ты выполнил долг,
Злодеяний иных не содеяв.
Ты привёл приговор в исполнение — до,
А не задним числом, как Фадеев.
Продолжается век, обрывается день

На высокой пронзительной ноте,
И ложится на дом Маяковского тень
От огромного дома напротив.

1986

Ермаково

Паровозы, как мамонты, тонут в болоте.
Потускневшее солнце уже на излёте.
Машет крыльями грустно, на юг улетая,
Туруханского гнуса пора золотая.
Край поры молодой, я там с юности не был,
Где горит над водой незакатное небо,
И светлеют, обнявшись, спокойные реки, –
Белый плёс Енисея и синий Курейки,
Где стоят, высоки, приполярные ели,
Где вождя мужики утопить не сумели.

Паровозы, как мамонты, тонут в болоте.
Вы подобное место навряд ли найдёте,
Где гниют у низины пустынного леса
Силачи-исполины, четыре «ИэСа»¹,
Словно памятник грозной минувшей эпохи.
Ржавых труб паровозных невеселы вздохи.
Много лет, как сюда завезли их баржою,
И стоят они здесь, поедаемы ржою.
Волк голодный, обманутый рыжею кровью,
Пробирается, крадучись, к их изголовью.

¹ *ИС* – паровоз серии «Иосиф Сталин». Самый мощный советский пассажирский паровоз.

Эти призраки все я запомнил толково
На краю Енисея вблизи Ермаково,
Где осинник пылал светофором над нами,
Где пути вместо шпал замостили телами.
Но истлели тела – и дорога насмарку,
Что связать не смогла Салехард и Игарку.

Сколько лет пробивался по тундре упрямо
Этот путь, что заложен задолго до БАМа?
Половодье в начале недолгого лета
До сих пор вымывает из кручи скелеты.
Нынче норы лисиц и берлоги медвежьи
Заселяют туманное левобережье,
Да остатки бараков чернеют, убоги,
У покинутой насыпи мёртвой дороги.

Паровозы, как мамонты, тонут в болоте.
И когда эти строки вы в книге прочтёте,
Помяните людей, что не встретили старость,
От которых нигде ничего не осталось.

1987

Пётр Третий

(песня)

Виктору Сосноре

Шорох волн набегающих слышен
И далёкое пенье трубы.
Над дворцовой острою крышей
Золочёные светят гербы.
Пол паркетный в покоях не скрипнет,
Бой часов раздаётся не вдруг.
Император играет на скрипке, —
Государство уходит из рук.

Держит строй у ограды пехота —
Государева верная рать.
Надо срочно приказывать что-то, —
Что-то можно ещё предпринять...
Спят в пруду золочёные рыбки,
Режут в кухне петрушку и лук.
Император играет на скрипке, —
Государство уходит из рук.

Приближённые в страшной тревоге,
Приближается пьеса к концу,
Приближаясь по пыльной дороге,

Кавалерия скачет к дворцу.
В голос скрипки, тревожный и зыбкий,
Посторонний вплетается звук.
Император играет на скрипке, –
Государство уходит из рук.

Блеском сабель и пламенем алым
Ненавистных пугая вельмож,
Он вернётся огнём и металлом,
На себя самого не похож.
А пока – одинокий и хлипкий, –
Завершая свой жизненный круг,
Император играет на скрипке, –
Государство уходит из рук.

1987

Дом Пушкина

Фазилу Искандеру

Бездомность Пушкина извечна и горька,
Жилья родного с детства он не помнит –
Лицейский дортуар без потолка,
Сырые потолки наёмных комнат,
Угар вина и карточной игры.
Летит кибитка меж полей и леса.
Дома – как постоянные дворы,
Коломна, Кишинёв или Одесса.
Весь скарб нехитрый возит он с собой:
Дорожный плащ, перо и пистолеты, –
Имущество опального поэта,
Гонимого стремительной судьбой.
Пристанищам случайным нет конца,
Покоя нет от чужаков суровых.
Михайловское? – Но надзор отца.
Москва, Арбат? – Но скупость Гончаровых.
Убожество снимаемых квартир:
Всё не своё, всё временно, всё плохо.
Чужой, не по летам его, мундир,
Чужая неприятная эпоха.
Последний дом, потравленный врагом,
Где тонкие горят у гроба свечи,
Он тоже снят ненадолго, внаём,

Который и оплачивать-то нечем.
Дрожащие огни по сторонам.
Февральский снег восходит, словно тесто.
Несётся гроб, привязанный к саням, –
И мёртвому ему не сыщут места!
Как призрачен любой его приют! –
Их убережь потомкам – не под силу, –
Дом мужики в Михайловском сожгут,
А немцы заминируют могилу.
Мучение застыло на челе –
Ни света, ни пристанища, ни крыши.
Нет для поэта места на Земле,
Но, вероятно, нет его и выше.

1987

Дворец Трезини

(песня)

Рудольфу Яхнину

В краю, где суровые зимы
И зелень болотной травы,
Дворец архитектор Трезини
Поставил у края Невы.
Плывёт смолокуранный запах,
Кружится дубовый листок.
Полдюжины окон – на запад,
Полдюжины – на восток.

Земные кончаются тропы
У серых морей на краю.
То Азия здесь, то Европа
Диктуют погоду свою:
То ливень балтийский внезапен,
То ветер сибирский жесток.
Полдюжины окон – на запад,
Полдюжины – на восток.

Не в этой ли самой связи мы
Вот так с той поры и живём,
Как нам архитектор Трезини

Поставил сей каменный дом? –
То вновь орудийные залпы,
То новый зелёный росток...
Полдюжины окон – на запад,
Полдюжины – на восток.

Покуда мы не позабыли,
Как был архитектор толков,
Пока золочёные шпили
Несут паруса облаков, –
Плывёт наш кораблик пузатый,
Попутный поймав ветерок, –
Полдюжины окон – на запад,
Полдюжины – на восток.

1987

Юрий Левитан

Как канонады отголоски,
С блокадных питерских времён
Я помню голос этот жёсткий,
Военного металла звон.
В дни отступления и отмщенья,
В дни поражений и тревог,
Он был звучащим воплощеньем,
Небесным голосом того,
Кого от центра до окраин
Любили, страху вопреки,
И звали шёпотом: «Хозяин», –
Как будто были батраки.
Того, кто их в беде покинул,
Кто гением казался всем,
Кто наводил им дула в спину
Приказом Двести двадцать семь.
Я помню грозный этот голос
В те исторические дни.
Он был подобьём правды голой
И дымной танковой брони.
Он говорил о Высшей каре,
Он ободрял и призывал.
Владелец голоса, очкарик,
Был художав и ростом мал.
В семейной жизни не был счастлив,

Здоровье не сумел сберечь,
И умер как-то в одночасье,
Не дочитав чужую речь.
Но в дни, когда в подлунном мире
Грядёт иная полоса,
Когда на сердце и в эфире
Звучат другие голоса,
Когда порой готов я сдатьсь
И рядом нету никого,
Во мне рокошет Государство
Железным голосом его.

1987

Чаадаев

*И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

А. С. Пушкин. «К Чаадаеву»

Потомок Чаадаева, стигнувший в сталинской тьме,
На русский язык перевёл большинство его «Писем».
Из бывших князей, он характером был независим,
На Зубовской площади жил, и в Лубянской тюрьме.
Уверенный духом, корысти и страха лишён,
Он в семьдесят восемь держался, пожалуй, неплохо,
И если записке Вернадского верить, то он
Собою украсить сумел бы любую эпоху.
Он был арестован и, видимо, сразу избит,
И после расстрелян, о чём говорилось негромко.
А предок его, что с портрета бесстрастно глядит,
Что может он сделать в защиту себя и потомка?
В глухом сюртуке, без гусарских своих галунов,
Он в сторону смотрит из дальней эпохи туманной.
Объявлен безумцем, лишённый высоких чинов,
Кому он опасен, затворник на Новой Басманной?
Но трудно не думать, почувствовав холод внутри,
О силе, сокрытой в таинственном том человеке,
Которого более века боятся цари.

Сначала цари, а позднее – вожди и генсеки.
И в тайном архиве, его открывая тетрадь,
Вослед за стихами друг другу мы скажем негромко,
Что имя его мы должны написать на обломках,
Но нету обломков, и не на чем имя писать.

1987

Старые песни

Что пели мы в студенчестве своём,
В мальчишеском послевоенном мире?
Тех песен нет давно уже в помине,
И сами мы их тоже не поём.
Мы мыслили масштабами страны,
Не взрослые ещё, но и не дети,
Таскали книги в полевом планшете –
Портфели были странны и смешны.
Что пели мы в студенчестве своём,
Когда, собрав нехитрые складчины,
По праздникам, а чаще без причины
К кому-нибудь заваливались в дом?
Питомцы коммуналок городских,
В отцовской щеголяли мы одежде,
И песни пели те, что пелись прежде,
Не ведая потребности в иных.
Мы пели, собираясь в тесный круг,
О сердце, не желающем покоя,
О юноше, погибшем за рекою,
О Сталине, который «лучший друг».
«Гаудеамус» пели и «Жену»,
И иногда, вина хвативши лишку,
Куплеты про штабного писаришку
И грозную прошедшую войну.
Как пелось нам бездумно и легко, –

Не вернуть обратно этих лет нам.
Высоцкий в школу бегал на Каретном,
До Окуджавы было далеко.
Свирепствовали выюги в феврале,
Эпохи старой истекали сроки,
И тёмный бог, рябой и невысокий,
Последний месяц доживал в Кремле.

1987

«Этот город, неровный, как пламя...»

Этот город, неровный, как пламя,
Город-кладбище, город-герой,
Где за контуром первого плана
Возникает внезапно второй!
Этих храмов свечение ночное,
Этих северных мест Вавилон,
Что покинут был расой одною
И другою теперь заселён!
Где каналов скрещённые сабли
Прячет в белые ножны зима,
И дворцовых построек ансамбли
Приезжающих сводят с ума!
Лишь порою июньскою летней,
Прежний облик ему возвратив,
В проявителе ночи бесцветной
Проступает его негатив.
И не вяжется с тем Петроградом
Новостроек убогих кольцо,
Как не вяжется с женским нарядом
Джиоконды мужское лицо.

Петровская галерея

Эпоха Просвещения в России, –
На белом фоне крест небесно-синий,
Балтийским ветром полны паруса.
Ещё просторны гавани для флота,
На острове Васильевском – болота,
За Волгою не тронуты леса.

Начало просвещения в России.
Учёный немец, тощий и спесивый,
Спешит в Москву, наживую влеком.
Надел камзол боярин краснорожий.
Художник Аргунов – портрет вельможи, –
Медвежья шерсть торчит под париком.

Начало просвещения в России, –
Реформы, о которых не просили,
Наследника по-детски пухлый рот,
Безумие фантазии петровской,
Восточная неряшливая роскошь,
Боровиковский, Рокотов, Гроот.

Встал на дыбы чугунный конь рысистый.
История империи Российской
Пока ещё брошюра, а не том,
Всё осмотреть готовые сначала,

Мы выйти не торопимся из зала, –
Мы знаем, что последует потом.

1988

Вальс тридцать девятого года

(песня)

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!
Припев из предвоенной песни
«Если завтра война»

Полыхает кремлёвское золото.
Дует с Волги степной суховей.
Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских друзей.
Карта мира верстается наново,
Челядь пышный готовит банкет.
Риббентроп преподносит Улановой
Белых роз необъятный букет.

И не знает закройщик из Люблина,
Что сукно не кроить ему впредь,
Что семья его будет загублена,
Что в печи ему завтра гореть.
И не знают студенты из Таллина
И литовский седой садовод,

Что сгниют они волею Сталина
Посреди туруханских болот.

Пакт подписан о ненападении –
Можно вина в бокалы разлить.
Вся Европа сегодня поделена –
Завтра Азию будем делить!
Смотрят гости на Кобу с опаскою.
За стеною ликует народ.
Вождь великий сухое шампанское
За немецкого фюрера пьёт.

1988

Баллада о спасённой тюрьме

Я это видел в шестьдесят втором –
Горела деревянная Игарка.
Пакеты досок вспыхивали жарко –
Сухой июль не кончился добром.
Дымились порт, и склады, и больница, –
Валюта погибала на корню,
И было никому не подступиться
К лохматому и рыжему огню.
И, отданы милиции на откуп,
У Интерклуба, около реки,
Давили трактора коньяк и водку,
И смахивали слёзы мужики.
В огне кипело что-то и взрывалось,
Как карточные, – рушились дома,
И лишь одна пожару не сдавалась
Большая пересыльная тюрьма.
Горели рядом таможня и почта,
И только зэки, медленно, с трудом,
Передавая вёдра по цепочке,
Казённый свой отстаивали дом.
Как ни старалась золотая рота,
На две минуты пошатнулась власть:
Обугленные рухнули ворота,
Сторожевая вышка занялась,
И с вышки вниз спустившийся охранник,

Распространяя перегар и мат,
Рукав пожарный поправлял на кране,
Беспечно отложивши автомат.
За рухнувшей стеною – лес и поле,
Шагни туда и растворишься в дыму.
Но в этот миг решительный на волю
Бежать не захотелось никому.
Куда бежать? И этот лес зелёный,
И Енисей, мерцавший вдалеке,
Им виделись одной огромной зоной,
Граница у которой – на замке.
Ревел огонь, перемещаясь ближе,
Пылали балки, яростно треща,
Дотла сгорели горсовет и биржа, –
Тюрьму же отстояли сообща.
Когда я с оппонентами моими
Спор завожу о будущих веках,
Я вижу небо в сумеречном дыме
И заключённых с вёдрами в руках.

1988

Дорога

Солнце в холодную село воду,
В небе лучом полыхнув зелёным.
Человечество делится на скотоводов
И земледельцев. В делении оном,
Неприменимом в двадцатом веке,
Осталась верной первооснова,
Коренящаяся в самом человеке,
А не в способе добывания съестного.
Ты это всё вспоминаешь, в душной
Комнате, тусклой порой вечерней.
В теле твоём законопослушном
Неопрятный ворочается кочевник,
Не отличающий оста от веста,
Но ненавидящий прочные стены,
Надеющийся переменной места
Произвести в себе перемены.
Прочь же поскачем, в пыли и гаме,
Не доверяя земле вчерашней!
Пастбище, вытопанное ногами
Сотен животных, не станет пашней.
Где остановимся? Что засеем?
Чем успокоим хмельные души?
Вслед за Колумбом и Моисеем,
Вплавь и пешком, по воде и по суше.
Женщины этой ночное ложе,

Дом твой, вместилище скучных бедствий, –
Что бы ни выбрал ты, выбор ложен, –
Первопричина открытий – в бегстве.

1988

Поминальная польскому войску

Там, где зелень трав росистых,
Там, где дым скупого быта,
Посреди земель российских
Войско польское побито.
Не в окопе, не в атаке,
Среди сабельного блеска, –
В старобельском буераке
И в катынских перелесках.
Подполковник и хорунжий –
Посреди берёзок стылых,
Их стреляли, безоружных,
Ближним выстрелом в затылок.
Резервисты из Варшавы,
Доктора и профессура –
Их в земле болотной ржавой
Схоронила пуля-дура.
Серебро на их фуражках
Поистлело, поистлело
Возле города Осташков,
В месте общего расстрела.
Их зарыли неумело,
Закопали ненадёжно:
«Ещё Польша не сгинела,
Але Польша сгинуть должна».
Подполковник и хорунжий

Стали почвой для бурьяна.
Но выходят рвы наружу,
Как гноющаяся рана.
Над планетой спутник кружит,
Вся на пенсии охрана,
Но выходят рвы наружу,
Как гноющаяся рана.
Там, где мы бы не хотели,
Там, где сеем мы и пашем.
Не на польском рана теле –
А на нашем, а на нашем.
И поют ветра сурово
Над землёй, густой и вязкой,
О весне сорокового,
О содружестве славянском.

1988

Шинель

На выставке российского мундира,
Среди гусарских ментиков, кирас,
Мундиров конной гвардии, уланских,
И егерских, и сюртуков Сената,
Утяжелённых золотым шитьём,
Среди накидок, киверов и касок,
Нагрудных знаков и других отличий
Полков, и департаментов, и ведомств,
Я заметил странную шинель,
Которую уже однажды видел.
Тот шкаф стеклянный, где она висела,
Стоял почти у выхода, в торце,
У самой дальней стенки галереи.
Не вдоль неё, как все другие стенды,
А поперёк. История России,
Которая кончалась этим стендом,
Неумолимо двигалась к нему.
И, подойдя, увидел я вблизи
Огромную двубортную шинель
Начальника Охранных отделений,
Как поясняла надпись на табличке,
И год под нею – девятьсот десятый.
Была шинель внушительная та
Голубовато-серого оттенка,
С двумя рядами пуговиц блестящих,

Увенчанных орлами золотыми,
Немного расходящимися кверху,
И окаймлялась нежным алым цветом
На отворотах и на обшлагах.
А на плечах, из-под мерлушки серой
Спускаясь вниз к раскрыльям рукавов,
Над ней погоны плоские блестели,
Как два полуопущенных крыла.
И тут я неожиданно узнал
Шинель доисторическую эту:
Её я видел много раз в кино
И на журнальных ярких фотоснимках
Мальчишеских послевоенных лет,
Где мудрый Вождь свой любящий народ
Приветствует с вершины мавзолея.
И вспомнил я, как кто-то говорил,
Что сам Генералиссимус тогда
Чертил эскиз своей роскошной формы –
Мундира, и шинели, и фуражки.
Возможно, подсознательно ему
Пришёл на память облик той шинели
Начальника Охранных отделений,
Который показался полубогом,
Наглядно воплотившим символ власти,
Голодному тому семинаристу,
Мечтателю с нечистыми руками,
Тому осведомителю, который
Изобличён был в мелком воровстве.
Теперь, когда о нём я вспоминаю,

Мне видятся не чёрный френч и трубка
Тридцатых достопамятных годов, —
Воспетая поэтами одежда
Сурового партийного аскета,
Не мягкие кавказские сапожки,
А эти вот, надетые под старость,
Мерцающие тусклые погоны
И серая мышинная шинель.

1988

Избиение младенцев. Питер Брейгель Старший

Избиение младенцев в Вифлееме.
В синих сумерках мерцает свет из окон.
Где оливковые рощи? Снег и темень
В этой местности, от Библии далёкой.
Избиение младенцев в Вифлееме.
Но заметить я, по-видимому, должен:
От влияния позднейших наслоений
Неспособен был избавиться художник.
Перепутав географию и даты,
Аркебузы ухватив, как автоматы,
Скачут грузные испанские солдаты,
Шуба жаркая напялена на латы.
И стою у полотна, не зная – где я?
Вифлеем ли это, право, в самом деле?
Снег кружится в этой странной Иудее,
И окрестные свирепствуют метели.
Прячут головы несмелые мужчины,
Плачет женщина пронзительно и тонко, –
Двое стражников, одетых в меховщину,
Вырывают у неё из рук ребёнка.
Вьюга тёмная младенцев пеленает.
Снег дымится, от горячей крови тая...
То не ты ли, Белоруссия родная?

То не ты ли, Украина золотая?

1988

Плавание

Невозможно на сфере движение по прямой.
Отвыкаешь со временем ост отличать от веста,
Ведь куда бы ни плыл ты – в итоге придёшь домой,
Постарев на полгода, а значит – в другое место.
Любопытства хватает на первые десять лет,
А потом понимаешь – нельзя любопытствовать вечно.
На вопросы твои не пространство даёт ответ,
А бегущее время, – уже не тебе, конечно.
Океан не земля – он меняется и течёт,
Пересечь его трудно и лайнеру, и пироге.
Капитаны безумны – один Одиссей не в счёт,
Он домой торопился и просто не знал дороги.
Покидающий гавань уже не вернётся сюда,
Без него продолжается шумная жизнь городская.
От намеченных курсов вода отклоняет суда,
Из минуты в минуту стремительно перетекая.

1988

Русская церковь

Не от стен Вифлеемского хлева
Начинается этот ручей,
А от братьев Бориса и Глеба,
Что погибли, не вынув мечей.
В землю скудную вросшая цепко,
Только духом единым сильна,
Страстотерпием Русская церковь
Отличалась во все времена.
Не кичились седые прелаты
Ватиканскою пышностью зал.
На коленях стальных император
Перед ними в слезах не стоял.
Не блестел золотыми дарами
Деревенский скупой аналой.
Пахло дымом в бревенчатом храме
И прозрачной сосновой смолой.
И младенец смотрел из купели
На печальные лики святых.
От татар и от турок терпели,
Только более всех – от своих.
И в таёжном скиту нелюдимом,
Веру старую в сердце храня,
Возносились к Всевышнему с дымом,
Два перста протянув из огня.
А ручей, набухающий кровью,

Всё бежит от черты до черты,
А Россия ломает и строит,
И с соборов срывает кресты.
И летят над лесами густыми
От днепровских степей до Оби,
Голоса вопиющих в пустыне:
«Не убий, не убий, не убий!»
Не с того ли на досках суровых
Всё пылает с тех памятных лет
Свет пожара и пролитой крови,
Этот алый пронзительный свет?

1988

Камиль Коро

Разрушение Содома
На картине у Коро, –
Угол каменного дома,
Дуб с обугленной корой.
Красный дым на небосводе,
Сжаты ужасом сердца,
Дочь из города уводит
Престарелого отца.
На лету сгорает птица
Меж разрядов грозовых,
И темны от страха лица
Прародителей моих.

Разрушение Содома
На картине у Коро.
Нет людей в долине Дона,
Нет на Темзе никого.
Обгорят у лавров кроны,
В реках выкипит вода, –
Нет гражданской обороны
От Господнего Суда.

Разрушение Содома
На картине у Коро.
Возле ног, как ад, бездонно

Разверзается метро.
Долго после вернисажа
Будит в полночи меня
Жаркий воздух в дымной саже,
Пляска тёмного огня.
И до самого рассвета
Сотрясает блочный дом
Небо Ветхого Завета
С чёрным атомным грибом.

1988

Цусима

Цусимы погребальные дымы
Из памяти изгладились едва ли.
Почти что век всё бережит умы
Легенда о бездарном адмирале,
Отдавшем наш Балтийский грозный флот
На истребленье азиатцу Того.
Что знали мы до этого? – Немного.
Архив японский новый свет прольёт
На давний полюбившийся нам миф
О глупости. Вводя эскадру в дело,
В кильватер флагман выстроил умело
Свои суда, врага опередив.
И правые борта окутал дым,
И грянули басы наводки дальней,
Но не было заметных попаданий –
Ответ же оказался роковым.
Напрасны обвинения молвы
В стрельбе неточной. Дело было вот как:
Без промаха сработала наводка,
Снаряды же не взорвались, увы.
Из побеждённых кто об этом знал,
Когда, лишенный флота и охраны,
Рождественский, злосчастный адмирал,
Сдавался в плен? – Хлестала кровь из раны.
Кто клевету бы после опроверг,

Припомнив запоздалый этот довод?
Империя, как взорванный дредноут,
Пошла крениться ржавым брюхом вверх.
И двинулся беды девятый вал,
Сметая государства и народы.
Рождественский, конфузный адмирал,
Не ты виновник нынешней свободы.
Не флагманы, разбитые поврозь,
И не раскосый желтолицый враг –
Виной пироксилин – бездымный порох
И русское извечное «авось».

1988

Русская словесность

Святой угодник Мирликийский
Со свитком в высохшей руке.
Исток словесности российской
В церковном древнем языке.
Духовный, греческо-славянский,
Его надёжа и оплот,
Неповоротливый и вязкий,
Как в сотах затвердевший мёд.
Не куртуазные баллады,
Не серенады струнный звон,
А тусклый свет и едкий ладан,
И Богу истовый поклон.
В неё вложила голос веский
Небес торжественная синь.
Язык церковный здесь и светский
Не разводила врозь латынь.
Из бывших риз её знамёна.
Есть в музыке её речей
Суровость Ветхого канона
И жар оплавленных свечей.
Не лёгкость музы, что незримо
Определяет лад стихов,
А покаяние и схи́ма,
И искупление грехов.
Не современные манеры,

Газетный шумный разнобой,
А правота жестокой веры,
Враждебность к ереси любой.

1988

Колокол Ллойда

Между реклам, магазинов и бронзовых статуй,
Грузных омнибусов и суеты многолюдной,
В лондонском Сити, от времени зеленоватый,
Колокол Ллойда звонит по погибшему судну.
Зрелище это для жителей обыкновенно.
В дымное небо антенны уводят, как ванты.
Мерно звенит колокольная песня Биг-Бена,
Вторят ему погребальные эти куранты.
Стало быть, где-то обшивку изранили рифы,
Вспыхнул пожар, или волны пробили кингстоны.
Жирные чайки кружатся, снижаясь, как грифы.
Рокот воды заглушает проклятья и стоны.
Кто был виною – хозяин ли, старая пройда,
Штурман беспечный, что спит под водой непробудно?
В лондонском Сити, у двери всесильного Ллойда
Колокол медный звонит по погибшему судну.
Где ты, моё ленинградское давнее детство?
Тоненький Киплинг, затерянный между томами?
Тусклая Темза мерцает со мной по соседству,
Тауэр тонет в томительно тёмном тумане.
Как же я прожил, ни в Бога, ни в чёрта не веря,
Вместо молитвы запомнивший с детства «Каховку»?
Кто возместит мне утраты мои и потери?
Кто мне оплатит печальную эту страховку?
Сходство с судами любому заметить нетрудно

В утлом гробу или в детской тугой колыбели.
Колокол Ллойда звонит по погибшему судну, –
Не по тебе ли, любезнейший, не по тебе ли?
В час, когда спим и когда просыпаемся смутно,
В час, когда время сжигаем своё безрассудно,
В лондонском Сити, практически ежеминутно,
Колокол Ллойда звонит по погибшему судну.

1988

«Из всех поэтов Кушнера люблю...»

Из всех поэтов Кушнера люблю,
Он более других мне интересен,
Хотя гитарных не выносит песен,
Которые поём мы во хмелю.
Мне нравится традиционный строй
Его стихов, гармония неброских
Полутонов, которые порой
Милее мне, чем гениальный Бродский.
Быть может, переехавший в Москву,
Я оттого люблю их, что другие
Во мне не вызывают ностальгии
Туманную и вязкую тоску.
Из всех поэтов Кушнера люблю,
За старенький звонок у старой двери,
За то, что с детства он остался верен
Плывущему над шпилем кораблю.
За то, что не меняет он друзей,
Что и живёт он там как раз, где надо –
На берегу Таврического сада,
Близ дома, где Суворовский музей.
И я опять стремлюсь, как пилигрим,
Туда, где он колдует над тетрадкой,
И кажется не горькою, а сладкой
Вся жизнь моя, написанная им.

Памятник

Я обошёл все континенты света,
А город мой всё тот же с давних пор,
Там девочка, склонясь у парапета,
Рисует мост, решётку и собор.
Звенят трамваи, чаек заглушая,
Качает отражения вода.
А я умру, и «часть меня большая»
Не убежит от тлена никуда.
Моих стихов недолговечен срок.
Бессмертия мне не дали глаголы.
Негромкий, незапомнившийся голос
Сотрут с кассет, предпочитая рок.
Прошу другого у грядущих дней,
Иная мне нужна Господня милость, —
Чтобы одна из песен сохранилась,
Став общей, безымянной, не моей.
Чтобы в глухой таёжной стороне,
У дымного костра или под крышей,
Её бы пели, голос мой не слыша,
И ничего не зная обо мне.

1988

Монолог Моисея

Прегрешенья наши, Господи, прости нам.
Пусть никто не обвинит меня в тиранстве.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
Про жестокий им назначенный экзамен
Знают путники бредущие едва ли,
Эти женщины с бездонными глазами
И мужчины, что оковы разбивали.
Тот, в ком с детства кровь от страха в жилах стынет,
Неспособен жить при равенстве и братстве.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
Вот идут они, словам моим поверя,
Позабыв об униженьях и напастях,
Но нельзя войти в сияющие двери
С синяками от колодок на запястьях.
Всё возможно только средствами простыми, —
Мы в самих себе не в силах разобраться.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
След причудливый за нами вьётся гибко.
Звон бубенчиков и топот караванный.
Тем, кто вышел вслед за мною из Египта,
Не добраться до Земли Обетованной.
Схоронив своих мужей в песке постылом,

Плачут вдовы в белом траурном убранстве.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
Треплет ветер их убогую одежду.
Солнце гневное восходит на востоке.
Я внушаю им покорность и надежду
И считаю им отпущенные сроки.
Бурдюки с водой становятся пустыми.
Серый коршун растворяется в пространстве.
Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве.
Скоро смерть в свои холодные объятия
И моё возьмёт измученное тело,
Но не должен прежде срока умирать я,
Не закончив мне порученное дело.
И покуда не скончается последний,
Буду я водить народ мой по барханам.
В царство светлое войдёт его наследник,
Лишь родителя увидев бездыханным.
Мне на посох всё труднее опираться.
Бог всевидящий, меня не слышишь разве?
...Чтобы вымерли родившиеся в рабстве,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве!

Пётр Первый судит сына Алексея. Картина Николая Ге

Прогрессу мешает духовность.
Не ведая истины сей,
Умрёт от подушки пуховой
Царевич святой Алексей.
В немецком постылом мундире,
С родителем встрече не рад,
Он на пол глядит в Монплези́ре,
Ступая на чёрный квадрат.
Ах, шахматной партии этой
Недолог печальный конец!
Внизу ожидает карета,
И в сторону смотрит отец.
Боярин предрезостный Пушкин
Казнён за лихие дела.
Молчат перелитые в пушки
Чугунные колокола.
Волны опьяняющий запах
Пером описать не берусь.
Россия стремится на Запад, –
В скиты удаляется Русь.
Хмельных капитанов орава
Уводит на Балтику флот.
Держава уходит направо,

Духовность – налево идёт.

1989

Падение Рима

Если вправду разрушен Рим
И от этого над горою
Пахнет ветер солёной кровью
И багровый клубится дым,
Если варвар и вправду смог,
Набирая сил понемногу,
Апеннинский тугой сапог
Натянуть на босую ногу,
И дворцовое пьют вино
Эти воры с большой дороги,
На портянки пустив сукно
Императорской алой тоги,
И не врёт этот рыжий галл,
Неотвязчивый и лукавый,
Поднимая рукою правой
Золочёный чужой бокал
(На щеке его – след клейма,
Пляшет тело его от зуда.
Он оскалил гнилые зубы,
И внимает ему корчма),
Если рухнули те столбы,
Что веками держали своды, –
Это значит, что мы, рабы,
Дождались наконец свободы.
Что не станет нас жечь, как встарь,

Ежедневное чувство страха.
Каждый будет отныне – царь, –
Вот неясно, кто будет пахарь.
Это значит – плыви, плотва,
Безопасной от щук рекою!
Это значит – гуляй, братва, –
Начинается средневековье!
И задумался пилигрим,
На мгновенье забыв о Боге:
«Если вправду разрушен Рим,
То куда же ведут дороги?»

1989

«Покуда солнце длит свой бег...»

Покуда солнце длит свой бег,
Распространяя отблеск меди,
С соседями из века в век
Враждуют ближние соседи.

Земли медлительный ковчег
Поскрипывает от нагрузки.
Эстонцы проклинаят русских,
Словака презирает чех.

Не одолел двадцатый век
Людей звериную натуру, —
Армяне ненавидят турок,
С киргизом ссорится узбек.

За всё им предъявляют счёт:
За облик, с собственным несхожий,
За цвет волос, и глаз, и кожи, —
Да мало ли, за что ещё!

За ежегодный недород,
За жизнь, которая убога.
И каждый нож вострит, и Бога
К себе в сообщники зовёт.

И в доме собственном несмело
Я стороною прохожу,
Своё отверженное тело
Подставив этому ножу.

Я слышу чей-то выкрик злой,
Я вижу толп оскал крысиный,
И нестерпимо пахнет псиной
Над первобытной землёй.

1989

Последний летописец

Памяти Натана Эйдельмана

Скончался Натан Эйдельман,
Последний российский историк.
Пустует промятый диван,
Завален бумагами столик.
В квартире, где мёртвая тишь,
Раскатистый голос не слышен.
Вчерашние скрыты афиши
Полотнами новых афиш.
Скончался Натан Эйдельман,
Последний российский историк.
Его сочинений тома
Отныне немалого стоят.
При жизни он не был богат,
Теперь же – богат он несметно, –
Истории ангельский сад
Ему остаётся посмертно.
Для веком любимых детей
Господняя явлена милость:
Эпоха их жизней сменилась
Эпохой великих смертей.
Скончался Натан Эйдельман,
Последний российский историк.
В густеющий глядя туман,

В своих убеждениях стоек,
Твердил он опять и опять,
Борясь со скептическим мнением,
Что можно Россию поднять
Реформами и просвещением.
Свой мерный замедлили бег
Над чёрною траурной датой
Его девятнадцатый век,
Его беспокойный двадцатый.
От бремени горестных пут
Теперь он на волю отпущен.
Его для беседы зовут
Рылеев, и Пестель, и Пущин.
И снова метель в декабре –
Предмет изысканий учёных.
Пополнив отряд обречённых,
Безмолвное стынет каре.
Скончался Натан Эйдельман,
Последний российский историк,
И весь черносотенный стан
Гуляет у праздничных стоек.
За что их звериная злость
И ненависть эта? За то ли,
Что сердце его порвалось,
Всеобщей не выдержав боли?
Что, славу презрев и почёт,
России служа безвозмездно,
Он, им вопреки, предпочёл
Единственный способ отъезда?

Скончался Натан Эйдельман.
Случайно ли это? – Едва ли:
Оборван истории план,
Стремящийся вверх по спирали.
Захлопнулась времени дверь,
В полёте застыла минута, –
Безвременье, голод и смута
Страну ожидают теперь.
И нам завещает он впредь
Познание тайны несложной,
Что жить здесь, увы, невозможно,
Но можно лишь здесь умереть.

1989

Голодай

Евгению Рейну

«Поболтать и выпить не с кем»,
А сознаться в этом больно.
За Ростральные колонны
Прогуляюсь я туда,
Где за кладбищем Смоленским
Зеленеет остров Вольный,
И становится солёной
Несъедобная вода.
На границу топкой суши
Прихожу опять сюда я,
Где гниёт пустая пристань
Возле серых валунов,
Где витают чьи-то души
Над песками Голодая,
И могилу декабристов
Отыскал поэт Чернов.
Царство сырости и стужи,
Чёрно-белые эстампы.
В берег бьёт неутомимо
Грязноватая волна.
Над Маркизовой лужей
Проступает контур дамбы,
Нас отрезавшей от мира,

Как Берлинская стена.
Ничего не бережём мы
Из того, что есть на свете.
Не далось нам счастье в руки,
Откровенно говоря.
Нас покинувшие жёны,
Нас покинувшие дети,
Нас покинувшие внуки
Улетели за моря.
Только ты живёшь бездарно
В неуютё тёмных комнат,
На Васильевском унылом,
Озираясь, словно тать.
Из потомков благодарных
Кто тебя сумеет вспомнить?
Кто потом твою могилу
Захотел бы отыскать?
Что ж в места приходишь эти,
Убежав от срочных дел ты,
Где за каменною грудой,
Не застынув в холода,
Уподобясь дымной Лете,
Две протоки Невской дельты
Вытекают ниоткуда
И впадают в никуда?

Спарта

Время шлемов золочёных,
Что оставило для нас ты?
В Спарте не было учёных, –
Лишь солдаты и гимнасты.
Не поведают секретов
Полустёршиеся плиты.
В Спарте не было поэтов, –
Были воины-гоплиты.
У Афин все ныли раны, –
Спарта ширилась и крепла.
От Афин остались храмы,
А от Спарты – кучка пепла.
Где Пилаты и Оресты,
Эврипиды и Солоны?
От Афин остались фрески,
А от Спарты – пук соломы.
От Афин остался Фидий,
Разойдясь в десятках копий,
А от Спарты только фи́га, –
Наконечники для копий.
Наступает век суровый,
Солнце в понт ныряет рыбой,
И умы морочит снова
Невесёлый этот выбор.

1990

«Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю...»

Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю,
Взирая на облик его многочисленных карт,
Всё время мне кажется область его островная
Похожей на сердце, которое гложет инфаркт.
Ещё под крестом александровым благословенным,
Как швы, острова ненадёжные держат мосты,
Ещё помогают проток истлевающим венам
Гранитных каналов пульсирующие шунты.
Но сквозь оболочку как будто живущего тела
Уже проступает его неживое нутро.
Исходит на нет кровеносная эта система,
Изъедено сердце стальными червями метро.
Живущие ныне – лимитчики и полукровки, –
От них этот город уходит теперь навсегда, –
Он с теми, кто канул в бездонные рвы Пискарёвки,
Кто возле Песочной лежит без креста и следа.
Взгляни на него, ностальгией последнею позван,
На серое взморье в балтийской закатной крови,
И сам убедишься, что реанимировать поздно,
Как Санкт-Петербургом вдогонку его ни зови.

Петербург

Провода, что на серое небо накинута сетью,
Провисают под бременем туч, постепенно старея.
Город тонет в болотах не год и не два, а столетье, –
Человек утонул бы, конечно, гораздо быстрее.
У Кронштадтского створа, грозя наводненьем жестоким,
Воду вспять повернули балтийские хмурые ветры.
Погружается город в бездонные финские топи
Неизменно и медленно – за год на полсантиметра.
Вдоль решёток узорных спешите, проворные гиды, –
Гложет дерево свай ледяная болотная влага.
Вместо плена позорного выбрал он честную гибель,
Не желая спускать с голубым перекрестием флага.
Современники наши увидят конец его вряд ли,
Но потомкам когда-нибудь станет от этого жутко:
На волне закачается адмиралтейский кораблик,
Петропавловский ангел крылом заполощет, как утка.
Позабудут с веками, смешав отдалённые даты,
О дворцах и каналах, о славе и подвигах ратных.
От орды сберёжет его, так же, как Китеж когда-то,
Праотец его крёстный, высокого рая привратник.
Он уходит в пучину без залпов прощальных и стонов,
Чуть заметно крещась у Подъяческих средних и малых,
Где землёй захлебнулись, распахнутые как кингстоны,
Потаённые окна сырых петербургских подвалов.

Терпандр

(песня)

Зевс-громовержец, людей покарай недостойных,
Век свой проводших в покорном и рабском молчанье!
На площадях, перекрёстках и даже в застольях
Все друг на друга кидаются нынче с мечами.
Полные прежде, театры пусты и бассейны.
Нету спасенья от мести враждующих партий.
Град покидая, бегут со стенаньями семьи, –
Все разбегутся, и кто же останется в Спарте?

Зевс-громовержец, людей покарай недостойных,
Путь позабывших в твои белоснежные храмы!
Всюду проклятия, крики и хриплые стоны,
Снадобий скоро не хватит, чтоб вылечить раны.
Жадно Афины следят за кровавою дракой, –
Не избежать поражения нам и полона...
Что же нам делать? Ответствуй, дельфийский оракул!
– Надо Терпандра позвать и почтить Аполлона.

Четверострунную лиру сменив семиструнной,
Чуткими пальцами тронет он струны тугие.
Песня начнётся – окончатся споры и ругань.
Братья вчера – мы сегодня друг другу враги ли?
Кончим раздоры, вспомним о собственном доме,

Брань заглушат музыкальной гармонии звуки.
Бросим мечи, от железа очистим ладони,
Для хоровода сплетём дружелюбные руки!

Кубки наполните пеннокипящею влагой,
Мрачные речи заменим напевом весёлым.
Пусть состязаются силой своей и отвагой
Лучники, копьеметатели и дискоболы.
Предотвращая разящие грозно удары,
Не иссякает мелодия струн этих тонких.
Слава Терпандру, певцу Аполлонова дара!
Жаль его песен – о них позабудут потомки.

1991

Бахайский храм

(песня)

У вершины Кармель, где стоит монастырь кармелитов,
У подножья её, где могила пророка Ильи,
Где, склоняясь, католики к небу возносят молитвы
И евреи, качаясь, возносят молитвы свои,
Позолоченным куполом в синих лучах полыхая,
У приехавших морем и сушей всегда на виду,
Возвышается храм новоявленной веры Бахаи
Возле сада, цветущего трижды в году.

Этот сказочный храм никогда я теперь не забуду,
Где все люди вокруг меж собой в постоянном ладу.
Одинаково чтут там Христа, Магомета и Будду,
И не молятся там, а сажают деревья в саду.
Здесь вошедших, любя, обнимают прохладные тени,
Здесь на клумбах цветов изваянья животных и птиц.
Окружают тебя сочетания странных растений,
Что не знают границ, что не знают границ.

Буду я вспоминать посреди непогод и морозов
Лабиринты дорожек, по склону сбегających вниз,
Где над синью морской распускается чайная роза
И над жаркою розой недвижный парит кипарис.
Мы с тобою войдём в этот сад, наклонённый полого,

Пенье тихое птиц над цветами закружится вновь.
И тогда мы вдвоём осознаем присутствие Бога,
Ибо Бог есть любовь, ибо Бог есть любовь.

1991

Иерусалим

Этот город, который известен из книг
Что велением Божиим когда-то возник
Над пустыни морщинистой кожей,
От момента творения бывший всегда
На другие совсем не похож города, –
И они на него не похожи.

Этот город, стоящий две тысячи лет
У подножия храма, которого нет,
Над могилою этого храма,
Уничтожен, и проклят, и снова воспет,
Переживший и Ветхий и Новый завет,
И отстраиваемый упрямо.

Достоянье любого, и всё же ничей,
Он сияет в скрещенье закатных лучей
Белизною библейской нетленной,
Трёх религий великих начало и цель
Воплотивший сегодняшнюю модель
Расширяющейся Вселенной.

Над Голгофой – крестов золочёная медь,
На которую больно при солнце смотреть,
А за ними встаёт из тумана
Над разрушенным Котелем – скорбной стеной,

Призывая молящихся к вере иной,
Золотая гробница Омара.

Этот порт у границы небесных морей
Не поделят вовек ни араб, ни еврей
Меж собою и христианином.

И вникая в молитв непонятный язык,
Понимаешь – Господь всемогущ и велик
В многоличье своём триедином.

1991

Не разбирай баррикады у Белого дома (песня)

Александру Хочинскому

Белого дома защитник, коллега мой славный,
Где ты сегодня? Тебя повстречаю едва ли.
Время меняется – нынче февраль, а не август.
Смолкли оркестры, цветы на могилах увяли.
Снег обметал ненадёжной свободы побеги,
В тёмном краю появляется свет ненадолго.
Не обольщайся бескровной и лёгкой победой,
Не разбирай баррикады у Белого дома.

Вязнут в ушах о недавнем геройстве былины.
Всем наплевать на смешную твою оборону.
Вслед за игрушечным заговором Катилины
Цезарь идёт, открывая дорогу Нерону.
Снова в провинции кровь потекла, как водица, –
Дым на Днестре и ненастье в излучине Дона.
Памятник этот ещё нам, дружок, пригодится –
Не разбирай баррикады у Белого дома.

Пусть говорят, что рубеж этот больше не нужен, –

Скорбь о погибших, обманутых злая досада.
Всюду измена – противник внутри и снаружи, –
Нас одолела ползучая эта осада.
«Вечно добро» – объясняли тебе не вчера ли?
Пообветшала наивная детская догма.
Нас торгаши обучают сегодня морали –
Не разбирай баррикады у Белого дома.

Скоро ли снова мы танковый грохот услышим,
Ранней весной или поздним засушливым летом?
В небе московском у края заснеженной крыши
Дымный закат полыхает коричневым светом.
Старых врагов незаметно сменили другие,
Сколько ни пей, эта чаша черна и бездонна.
Не изживай о победной поре ностальгии,
Не разбирай баррикады у Белого дома!

1992

Молитва Аввакума

(песня)

Боже, помоги, сильный,
Боже, помоги, правый,
Пастырям своим ссыльным,
Алчущим твоей правды.
Стужа свирепей к ночи,
Тьмы на берега пали.
Выела выюга очи –
Ино побредём дале.

Боже, помоги, крепкий,
Боже, помоги, святой.
Глохнут подо льдом реки.
Ужасом сердца сжаты.
Плоть мою недуг точит,
Грудь мою тоска давит,
Нет уже в ногах мочи –
Ино побредём дале.

Господи, твой мир вечен –
Сбереги от соблазна;
Льстивые манят речи,
Царская манит ласка:
«Много ли в цепях чести?

Покаянье беда ли?
Три перста сложи вместе!» –
Ино побредём дале.

Впору наложить руки.
Воют за плечом черти.
Долго ли сии муки?
Аж до самая смерти.
Жизнь, моя душа, где ты?
Дышишь ли ты, жива ли?
Голос мой услышь с ветром! –
Ино побредём дале.

Тлеет ли свеча в храме,
Ангел ли в ночи трубит,
В мёрзлой ли гниём яме,
В чёрном ли горим срубе,
Душу упокой, Боже, –
Долго мы тебя ждали.
Век наш на Земле прожит –
Ино побредём дале.

1992

В Михайловском

Мчится тройка – ближе, ближе,
И проносится в ночи.
Одинок и неподвижен
Огонёк твоей свечи.
Не уснуть подобно прочим, –
Воет ветер над стрехой.
Это бес тебя морочит
Тёмной полночью глухой.
То коснётся половицы,
То застонет у крыльца.
Воротили бы в столицу,
Чтоб не спиться до конца!
Подопри рукой затылок.
Чёрный сон, – бессилен он
Перед ящиком бутылок,
Что из Пскова привезён.
Истопить прикажем баньку,
И раскупорим вино,
Кликнем Зинку или Маньку
Или Дуньку – всё равно.
Утешайся женской лаской,
Сердце к горестям готовь.
Скоро, скоро на Сенатской
Грянет гром, прольётся кровь.
Сесть бы нам с тобою вместе,

Телевизор засветить,
Посмотреть ночные вести
И спокойно обсудить.
Страшновато нынче, Пушкин,
Посреди родных полей.
Выпьем с горя, – где же кружки?
Сердцу будет веселей.

1992

Меншиков

(песня)

Лошади каурые, крепка снасть,
Лишь мосток некрашенный трещит.
С перепоею хмурый он князь, князь,
Государя нашего денщик.
Лошади по городу тук-тук,
Лошади по городу топ-топ.
А за ними ворона круг, круг,
На четыре стороны топь, топь.

Лошади по городу цок-цок,
А перед каретою цуг, цуг,
Жалован Ижорою герцог,
Государю Петеру друг, друг.
Государю Петеру камрад,
С голубою лентою камзол.
Если хама плетию – хам рад,
Ежели молебеном – хам зол.

Меж фасадов розовых вскачь, вскачь,
По снегу морозному вжик, вжик.
Кулинар берёзовых каш, каш,
Будешь ты в Берёзове жить, жить.
Скор за занавесками шаг, шаг,

Иноходи-поступи в лад, в лад.
Королевству Свейскому шах, шах,
Королевству Польскому мат, мат.

Сбруи позолочены, бренчат,
Колесо накатано, скрип, скрип,
А возле обочины – чад, чад,
Крепостных да каторжных хрип, хрип.
Им по свае молотом бить, бить,
Не сменив исподнее, пропасть,
Петербургу-городу быть, быть,
И на то Господняя власть, власть.

Колокол на Троице дон-дон,
Белая холодная пыль, пыль,
Скоро здесь достроится дом, дом,
А под ним болотная гниль, гниль.
По Неве над рёбрами льдин, льдин
Крест могильный, вежа ли – топ, топ.
Бубенец серебряный динь-динь,
Вот мы и приехали – стоп, стоп.
Ветер, словно леший во лесах – лют,
Конские загубники, зима, стынь.
Седоку светлейшему салют,
Душам позагубленным – аминь.
Вьюгой завивается снег, снег,
По-над их могилами синь-наст.
Новый начинается век, век –
Господи, помилуй и спаси нас!

АХИЛЛ

На афинском базаре я эту картинку купил,
Под старинную фреску подделанный грубый лубок.
Вспоминаю тебя, быстроногий красавец Ахилл,
Полукровка ахейский, что был полугрек-полубог.
Понимаю тебя, неподвижно сидящий Ахилл.
Отражает твой профиль щита потускневшая медь.
Шлемоблещущий Гектор с тобою в сравнении хил:
Победил он Патрокла – тебя ему не одолеть.
На него регулярно садится ночами жена,
В нарастающем ритме сгибая раскрытия ног.
У троянца жена, у тебя же, увы, ни хрена, –
Вот убили Патрокла, и сделался ты одинок.
Вот убили Патрокла, и сразу не нужен успех,
Понапрасну связался ты с этой Троянской войной.
Почерневшая кровь его твой покрывает доспех
С золочёной насечкой коринфской работы ручной.
На троянские стены сырой опускается мрак,
Только крик часовых и собак несмолкающий лай.
Что тебе Агамемнон, надутый и старый дурак,
Хитроумный Улисс, рогоносец тупой Менелай?
Вот убили Патрокла, и жизнь тебе недорого.
Жадной грудью вдыхая рассола эгейского йод,
Ничего ты не видишь – лишь сильное горло врага,
Что, обняв Андромаху, из кубка тяжёлого пьёт.

Горный институт

Владимиру Британишскому

Наш студенческий сборник сожгли в институтском дворе,

В допотопной котельной, согласно решению парткома.

Стал наш блин стихотворный золы неоформленным комом

В год венгерских событий, на хмурой осенней заре.

Возле топкого края василеостровской земли,

Где готовились вместе в геологи мы и поэты,

У гранитных причалов поскрипывали корабли,

И шуршала Нева – неопрятная мутная Лета.

Понимали не сразу мы, кто нам друзья и враги,

Но всё явственней слышался птиц прилетающих гомон,

И редели потёмки, и нам говорили: «Не ЛГИ»

Три латунные буквы, приклёпанные к погонам.

Ветер Балтики свежей нам рифмы нашёптывал, груб.

Нас манили руда и холодный арктический пояс.

Не с того ли и в шифрах учебных студенческих групп

Содержалось тогда это слово щемящее «поиск»?

Воронихинских портиков временный экипаж,

Мы держались друг друга, но каждый не знал себе равных.

Не учили нас стилю, и стиль был единственный наш:

«Ничего кроме правды, клянусь, – ничего кроме

правды!»

Не забыть, как, сбежав от занятий унылых и жён,
У подножия сфинкса, над невскою чёрною льдиной,
Пили водку из яблока, вырезанного ножом,
И напиток нехитрый занюхивали сердцевиной.
Что ещё я припомню об этой далёкой поре,
Где портреты вождей и дотла разорённые церкви?
Наши ранние строки сожгли в институтском дворе
И развеяли пепел – я выше не знаю оценки.
И когда вспоминаю о времени первых потерь,
Где сознание наше себя обретало и крепло,
Не костры экспедиций стучатся мне в сердце теперь,
А прилипчивый запах холодного этого пепла.

1992

«Глаза закрываю и вижу...»

Детство моё богато чужой позолотой,
Которую я полагал своей.
Кованный лев на чугунных воротах,
Золототканые шапки церквей,
Мрамором связанное пространство,
Летнего неба серебряный дым,
Всё, что себе я присваивал страстно
Будучи молодым.
Всё, что щекочет усталые нервы,
Всё, что с младенчества взглядом впитал
Таинством первым, любовью первой,
Неистребимый даёт капитал.
Вот изначальное виденье мира,
Где уживаются ночью и днём
Бедный уклад коммунальной квартиры
И янтари куполов за окном.
Старых дворцов ежедневное чудо,
Вязкая от отражений вода.
Брошенным буду, безденежным буду, —
Нищим не буду уже никогда.

«Глаза закрываю и вижу...»

Глаза закрываю и вижу:
Во мраке невидимых вод,
Как прежде, подвижный в подвижном,
Подводный кораблик плывёт.
Он будит, светящийся атом,
Глубин непрозрачный покой.
И я там когда-то, и я там
К стеклу прижимался щекой.
Меж скал ноздреватой породы
Придонное время текло.
Смотрела чужая природа
На нас через это стекло.
Там в облаке взвешенной пыли
Крутой кипяток закипал,
Лиловые гейзеры били,
Неся растворённый металл.
В расплавленном этом металле,
Где красная встала трава,
Коричневой серой питались
Таинственные существа.
Пьянея от этих открытий,
Поднявшись, мы пили вино,
Чтоб было число наших всплывтий
Числу погружений равно.
И в медленном солнечном дыме,

Над тёмной вися глубиной,
Мы делались сами иными,
Соседствуя с жизнью иной.

1992

Остров Израиль

Эта трещина тянется мимо вершины Хермона,
Через воды Кинерета, вдоль Иордана-реки,
Где в невидимых недрах расплавы теснятся и стонут,
Рассекая насквозь неуклюжие материки.
Через Негев безводный, к расселине Красного моря,
Мимо пыльных руин, под которыми спят праотцы,
Через Мёртвое море, где дремлют Содом и Гоморра,
Словно в банке стеклянной солёные огурцы.
Там лиловые скалы цепляются зубчатым краем,
Между древних гробниц проводя ножевую черту.
В Мировой океан отправляется остров Израиль,
Покидая навек Аравийскую микроплиту.
От пустынь азиатских – к туманам желанной Европы,
От судьбы своей горькой – к неведомой жизни иной,
Устремляется он. Бедуинов песчаные тропы
Оборвутся внезапно над тёмной крутою волной.
Капитан Моисей уведёт свой народ, неприкаян,
По поверхности зыбкой, от белых барашков седой.
Через этот пролив не достанет булыжником Каин,
Фараоново войско не справится с этой водой.
Городам его светлым грозить перестанет осада,
И над пеной прибоя, воюя с окрестною тьмой,
Загорится маяк на скале неприступной Масады,
В океане времён созывая плывущих домой.

Фельдфебель Шимон Черкасский

(песня)

Кавалер Святого Георгия,
фельдфебель Шимон Черкасский,
Что лежит на Казанском кладбище
в Царском Селе осеннем,
Представитель моей отверженной
в этой державе касты,
Свой последний бивак наладивший
здесь, под дубовой сенью.

Гренадёр императорской гвардии,
выходец из кантонистов —
Нелюбимых российских пасынков
выпала с ним судьба нам.
Неродного отечества ради
был он в бою неистов,
Управляясь в часы опасности
с саблей и барабаном.

Давний предок единокровный мой
фельдфебель Шимон Черкасский,
За отвагу на поле брани
орден свой получивший,
Обладатель ружья огромного

и медной блестящей каски,
В девяносто четвёртом раненый,
в девяносто шестом – почивший.

Ах, земля, где всегда не хватало
нам места под облаками,
Но которую любим искренне,
что там ни говорите!
Ощуцаю я зависть тайную,
видя надгробный камень,
Где заслуги его записаны
по-русски и на иврите.

И когда о последнем старте я
думаю без опаски
И стараюсь представить мысленно
путь недалёкий сей свой,
Вспоминается мне лейб-гвардии
фельдфебель Шимон Черкасский,
Что лежит под опавшими листьями
на окраине царскосельской.

1993

Подполковник Трубятчинский

(песня)

Подполковник Трубятчинский, бывший сосед по каюте,
С кем делили сухарь и крутые встречали шторма,
Не качаться нам впредь в корабельном суровом уюте,
Где скрипят переборки и к небу взлетает корма.
Опрокинем стакан, чтобы сердце зазря не болело.
Не кляните судьбу, обо всём не судите сплеча!
В зазеркалье у вас всё читается справа налево, –
В иудейской пустыне нашли вы последний причал.
Подполковник Трубятчинский –
в прошлом надежда России –
Он сидит у окна, и в глазах его чёрных – тоска.
Позади океан, ядовитой пропитанный синью,
Впереди океан обожжённого солнцем песка.
Подполковник Трубятчинский, что вам мои утешенья! –
Где бы не жили мы и какое б не пили вино,
Мы – один экипаж, все мы жертвы кораблекрушенья,
Наше старое судно ушло невозвратно на дно.

Подполковник Трубятчинский, моря солёного житель,
Как попасть вы смогли в этот город безводный Арад?
Надевайте погоны, цепляйте медали на китель
И – равненье на флаг, – наступает последний парад!..
Возвращение в рай, а скорее – изгнание из рая,

Где ночные метели и вышки покинутых зон...
Подтянувши ремень, обживает он остров Израиль –
Наших новых времён, наших новых морей Робинзон.

1993

Провинция

Насколько мы честно себя ощущаем провидцами?
Согласно Ключевскому, центр России – провинция.
Не Питер надутый, не матушка Первопрестольная,
Откуда лишь смуты и нравы идут непристойные.
Здесь мысли неспешны, и топкие вёрсты немеряны,
Фельдъегерь с депешей блуждает, в пространстве
затерянный.
В начальстве изверясь, не примут здесь, семечки лузгая,
Ни Никона ересь, ни немца одежду кургузую.
Иные здесь лица, иные заботы и праздники,
В столице царица, а здесь Пугачёвы да Разины.
Здесь дали туманны, а люди дотошны и въедливы, –
Так глубь океана и стынет и греется медленно.
Столичные взрывы не тронут их быта сутулого, –
Известно, что рыба гниёт с головы, а не с тулова.
Истлеет во рву, кто задумал с ней мериться силою,
Кто, взявши Москву, возомнит, что владеет Россиею.
Сто раз оплошает, но снова, болезная, вытянет,
Поскольку решает сама – не цари и правители,
Не боги столицы, которых возносят и чествуют.
Устав им молиться, согласен с идеей Ключевского.

«Имперский дух в себе я не осилю...»

Имперский дух в себе я не осилю,
Когда, проснувшись в утренней Москве,
На карту неохватную России
Взираю в ностальгической тоске.
И, разглядев, со страхом понимаю,
Увидевши её издалека,
Как велика страна моя родная,
Или точнее – слишком велика.
Не удержать соединений ржавых,
Спасительным рецептам вопреки.
Трещит по швам великая держава,
Готова развалиться на куски.
Скрипят суставы в одряхлевшем теле
Империи – пора её пришла,
Не зря веками в стороны смотрели
Две головы двуглавого орла.
Осыпались колосья, серп и молот
Не давят на долины и хребты.
Евразийский материк расколот –
Байкал зияет посреди плиты.
Так неподвижность зимнюю взрывая,
Ломают льдины чёрная вода,
Так, волноломы разнеся и сваи,
Прибрежные ночные города
Крушит удар внезапного цунами,

И в штормовом кипении зыбей
Огромный танкер, поднятый волнами,
Ломается от тяжести своей.

1993

Землетрясение

Ненадёжно приходящее веселье,
Наша жизнь – подобье шахматного блица.
Невозможно предсказать землетрясение, –
Никакое предсказанье не годится.
Геофизики апофиз тупиковый,
Я твоим соображениям не верю.
Распадается жилище, и подкова
Отскочила от рассыпавшейся двери.
Разрушается и гибнет в одночасье
Всё, что глаз своею прочностью ласкало,
Распадается империя на части,
Как, казалось бы, незыблемые скалы.
И бегут, свои дома покинув, семьи,
Что внезапно оказались за границей.
Невозможно предсказать землетрясение, –
Никакое предсказанье не годится.
Ненадёжна приходящая минута.
Все модели и гипотезы – случайны.
Захлебнётся информацией компьютер,
Но никто, увы, не знает этой тайны.
Ни сейсмолог в тишине обсерваторий,
Ни астролог, загадавший на планеты, –
Знает Бог один всеведущий, который
Не откроет никому свои секреты.
Ах, земля моя, мать-мачеха Расея, –

Тёмным страхом перекошенные лица!
Невозможно предсказать землетрясение, –
Никакое предсказанье не годится.

1993

Переименование

Твой переулок переименован,
И улица Мещанской стала снова,
Какой она когда-то и была,
А ты родился на Второй Советской,
И нет тебе иного в мире места
И улицы, – такие вот дела.
О, бывшая одна шестая суши,
Где не умеют строить, не разрушив!
В краю всеразрушающих идей
От торопливой удержусь оценки:
Вчера ещё доламывали церкви,
Теперь ломают статуи вождей.
Истории людской досадный выброс, –
Но я как раз родился в нём и вырос, –
Вся жизнь моя в десятках этих лет,
И сколько бы ни жил под облаками,
Я помню Ленинградскую блокаду,
А петербургской не припомню, нет.
Давно уже забыты песни эти,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.